

ХРОНИКИ ПЕПЕЛЬНОГО МИРА

16+

Виталий Стасюк

Виталий Стасюк

Хроники пепельного мира

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Стасюк В. В.

Хроники пепельного мира / В. В. Стасюк — «ЛитРес: Самиздат»,
2021

Представьте, что вам снится сон, в котором за вами гонится стена огня высотой до облаков. Вы пытаетесь убежать, но неумолимая стихия преследует вас, превращая все на своем пути в пепел. Потoki людей струятся улицами прочь от огненной стены, военные пытаются наладить эвакуацию, а вы пытаетесь понять причину грандиозной катастрофы. А теперь представьте, что все это не сон, и вы попадете на место главного героя, который ищет крупицы истины в быстро сгораемом мире.

Содержание

Пролог	5
Глава первая. Самолет	10
Глава вторая. Дорога	17
Глава третья. Штаб	25
Глава четвертая. По ту сторону огня	33
Глава пятая. Обитаемый мир	42
Глава шестая. Сильные мира сего	49
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Виталий Стасюк

Хроники пепельного мира

Пролог

Дорога пролежала между двух ровных стен соснового леса. Солнце едва пробивалось сквозь зеленую стену, а потому в этом коридоре еще оставалась прохлада. Жаркое лето заставляло искать тень. Вначале Саша думал отказаться от этой поездки, не желая, проводить целый день за рулем автомобиля под палящим солнцем. Но, опасение оправдывалось только первые полторы сотни километров. Затем поля сменились густым лесным массивом, который сопровождал его до самого Дмитровска.

Дмитровск ютился на границе, между островерхими скалами, похожими на пики копей, и многовековым лесом, лежащим на равнине. Лишь небольшие холмы бугрили зеленую гладь леса. Дорога, по которой ехал Александр Решетник, была прорезана сквозь лес две сотни лет назад, когда в горах нашли ценные минералы. Поначалу Дмитровск был деревушкой добытчиков, затем небольшим городком. Теперь это, все еще небольшой городок, но уже не добытчиков, а мастеров по камню, хотя рудники здесь все еще продолжали действовать.

В городе было два высоких здания, и оба высотой в семь этажей. Гостиница располагалась в центре, занимала целый квартал и была единственным пристанищем для путников в этих краях. Офисное здание построили десять лет назад, на окраине города. Остальная застройка не превышала четырех этажей, а большинство домов насчитывало всего два этажа. В лучшие годы в городке жило двадцать тысяч горожан, большинство из которых были работягами на шахтах. Сейчас, когда добыча стала автоматизирована, город насчитывал не более двенадцати тысяч человек.

Саша работал журналистом и в Дмитровске у него было редакционное задание. На следующий день в офисном центре проходила встреча представителей горнодобывающих компаний и оттуда нужен был фоторепортаж. Не совсем профильное занятие для Александра, но лето не сулило ничего интересного, и он решил взять подвернувшуюся работу. Жалеть не пришлось. Теперь, когда свежий воздух леса бодрит его даже спустя столько времени за рулем, он был рад, что проведет несколько дней почти в курортных условиях.

Дорога была узкая, но практически прямая. За весь путь ему встретилось всего несколько легковых автомобилей и пара грузовиков. Кроме этого было еще несколько военных внедорожников, которые на большой скорости обогнали журналиста. Саша успел предположить, что где-то возле Дмитровска построили военную часть или базу отдыха для военных. Для этой местности второе подходило больше, чем первое.

В городок Саша въехал вместе с закатными тенями от горных пиков. Солнце успело коснуться одного из них, и с дороги создавалось впечатление, что яркий диск нанизан на острие копья. Тень от копья точно указывала на въезд в город, словно угрожая незванным гостям. Решетник себя не ощущал незванным, или незнакомым. Он уже был здесь в начале своей журналистской карьеры и смутно помнил, что гостиница в центре города, и что она неплохая.

Гостиница действительно была неплохой. Саша оставил автомобиль на ее стоянке, забрал сумку и направился в сторону главного входа. Армейский внедорожник неторопливо прокатился переулком и свернул за угол. Журналист бросил в его сторону взгляд. Редакционного задания по поводу военных у него не было, зато было природное любопытство, из-за которого он выбрал профессию.

Холл отеля был оформлен в светло-теплых тонах. Здесь былолюдно. Уже почти все делегаты заселились в свои номера. У Саши была редакционная бронь, а потому он протянул девушке-администратору свои права и улыбнулся.

– Сегодня у вас наверняка нет свободных номеров, – заговорил Решетник.

После долгого пути ему хотелось перекинуться с кем-то парой слов.

– У нас всегда есть в запасе президентский люкс, – улыбнулась девушка, заполняя что-то в компьютере. – Его обычно не бронируют во время пресс-конференций.

– Дорого? – Саша оглянулся на группу делегатов возле диванчика.

– Слишком излишне, для короткой командировки, – предположила девушка. – Вы на двое суток?

– Да, к сожалению, дольше не могу остаться.

– Нравится наш город? – девушка протянула ключ-карту.

– Нравится ваш воздух, – Саша взял карту и спросил: – А военные у вас охраняют делегатов?

– Кажется у них учения, здесь недалеко, – девушка перевела взгляд на телевизор, висящий на стене. – К нам в город они заезжают на заправку и за продуктами.

– Кстати, на счет продуктов. Кажется, у вас был ресторан?

– И все еще есть, на втором этаже, – улыбнулась девушка.

Саша поблагодарил ее и, подхватив сумку, направился к лифту. Для ужина было еще рано. Он хотел принять душ и переодеться. Еще он хотел прогуляться по городу, но для прогулки было уже поздно. Тем более лучшим способом проснуться он считал утреннюю прогулку с большим стаканом кофе.

У половины номеров в гостинице были небольшие балкончики. Делегаты не стали переплачивать за такую роскошь, а вот редакции пришлось, ведь остальные номера успели разобрать. Саша принял душ и устроился на балкончике с планшетом в руках. Гостиничный интернет работал все еще неплохо, но Решетник предполагал, что завтра, после конференции, делегаты начнут отправлять отчеты и стандартная сеть ляжет. Решетник надеялся на мобильный интернет, а ловил он здесь очень уверенно, тем более на пятом этаже, где находился номер журналиста.

Было еще что-то, что мог себе позволить только обитатель верхних этажей: вид вокруг был потрясающим. Солнце скрылось за скальной грядой, обрамляя ее ярким ореолом. Лес тянулся на сотни километров, и несколько зеленых холмов, лишь подчеркивали равнинную долину у подножья гор. Казалось кто-то каждый год подстригал деревья, чтобы они росли так идеально вровень друг другу.

Но было и еще кое-что, что открывалось перед Решетником. Вереница армейских грузовиков, выстроившаяся в переулке за небольшим торговым центром. Возле грузовиков стояли солдаты в форме, и пара человек в штатском. Видимо местные заинтересовались такой активностью военных. Люди мирно беседовали, но спустя каких-то пять минут военные быстро заняли свои места в грузовиках, и колонна выехала на одну из центральных улиц. Саша провел их взглядом и попытался отыскать в интернете что-то об учениях. У него ничего не вышло. Местные СМИ тоже молчали. Саша отложил планшет и решил, что на сегодня загадок достаточно. Тем более он приехал в Дмитровск не за загадками.

Ужинать пришлось салатом с рыбой. Решетник хотел что-то с мясом, но делегаты успели изрядно подчистить запасы ресторана. На завтра обещали более богатое меню, а в этот вечер извинились бесплатным десертом. Саша извинения принял. В дальних командировках ему приходилось питаться консервами и сухими пайками, а здесь было куда вкусней и уютней. Тем более большим гурманом он не был, а после ужина и вовсе отправился в номер и завалился спать.

Решетник поставил будильник на восемь, конференция начиналась в десять, часть для прессы и того в два часа дня, но проснулся он, как на зло, без двух минут пять утра. Солнце едва успело подняться над горизонтом, но еще не успело приблизиться к кронам деревьев. В номере был приятный полумрак и Решетник несколько минут лежал, смотрел в окно, прикидывал как потратит время перед конференцией.

Душ занял всего несколько минут, а вот на завтрак, или даже кофе, в такую рань нечего было и рассчитывать. Потому он собрался и вышел из гостиницы на улицу еще спящего города. Ни единого звука не прерывало тишину. Почему-то Решетнику казалось, что он обязательно услышит грохот армейских грузовиков, хотя бы вдали, но даже они не могли потревожить утренний покой.

Город настолько мал, что пройти от гостиницы к офисному зданию было делом двадцати минут. Еще минут пятнадцать необходимо чтобы дойти до ближайшей границы города. Туда Саша и отправился. Он перешел на другую сторону улицы и неторопливо зашагал к выезду из города. Идти можно было даже посередине дороги, но Решетник не хотел испытывать судьбу и шел в тени раскидистых крон, по изрядно потрепанному, но еще годному тротуару.

Небольшие квартирные дома сменились частными двухэтажными, затем одноэтажными, словно город сходил на нет, провожая путника. Затем было небольшое поле диких цветов, а в стороне холм с вышками мобильной связи. Холм возвышался едва ли не выше некоторых двухэтажных домов, а сами вышки были намного выше привычных ему вышек в родном городе. Их сигнал должен был добивать до самых дальних шахт.

Саша прошелся к холму и поднялся на него. Только теперь он понял, что здесь тишина далеко не идеальна. Где-то вдали летел вертолет, да ветер иногда доносил гул моторов грузовиков, быть может военных. Решетник залез на забор, который ограждал вышки связи, и попытался посмотреть вдале. Холм был высоким, но с деревьями он не мог тягаться. Саша немного повертел головой и собрался слезть с забора...

Вдали что-то вспыхнуло. На мгновение Решетнику показалось, что впереди над деревьями поднялось солнце, но он сразу вспомнил, что солнце находится в другой стороне. Вспышка была на юге, километрах в семи, а может еще меньше, и очень короткая. Затем в небо взмыл столб пламени, внизу ярко-красный, вверху розоватый. Саша чуть не свалился с забора, ожидая прихода ударной волны, но ее не последовало. Не было ничего, ни звука, ни движения воздуха. Только столб пламени высотой под сотню метров. Зрелище длилось всего несколько секунд, но этого хватило, чтобы над огненным столбом успело образоваться сероватое облачко, едва подсвеченное огнем. Затем все исчезло. Огонь растворился в воздухе, облачко уплыло по воле ветра, отблесков пламени или пожара не было. Саша несколько лишних мгновений наблюдал в том направлении, но лес был тих, где-то гудели моторы грузовиков, из города доносился звук легкового автомобиля. Окружающий мир не заметил огненную вспышку и продолжал жить своей жизнью.

Решетник слез с забора и быстро зашагал обратно в город. Он не был падок на сенсации, но лишняя эксклюзивная новость его карьере не повредит. Да и природное любопытство никто не отменял.

До гостиницы он дошел минут за десять, сел в свой автомобиль и вырулил на дорогу. Примерное направление он помнил, но отыскать нужный поворот на лесную дорогу было не просто. Оставалось ориентироваться на шум грузовиков, который за пределами города был более отчетлив.

Выехав из Дмитровска Саша направил автомобиль по той же дороге, по которой он приехал в город, но теперь ему нужен был поворот направо. Армейские грузовики в городе ведь как-то ездили в лес. Решетнику пришлось проехать в поисках дороги более пятнадцати километров, но зато поворот действительно был, а кроме того следы армейских автомобилей говорили о правильности выбранного пути. Вот только сам автомобиль Решетника был выбран непра-

вильно для таких путешествий. Небольшой городской автомобиль хорошо подходил перегруженным городским дорогам, но плохо себя чувствовал на лесном бездорожье. Особенно если учесть то, что военные успели раскатать приличные колеи, в которых машина могла просто сесть на брюхо.

Саша вел как мог, избегая крупных ям и держась края правой колеи. Если сейчас ему на встречу выедет грузовик, то разминуться с ним будет не просто. К счастью, гул армейских грузовиков, хоть и приближался, но был все еще далеко. К тому же Решетник предполагал, что где-то есть еще одна дорога, по которой они время от времени ездят.

Журналисту удалось проехать не более восьми километров, после чего его путь был прерван. Прямо поперек дороги стоял армейский внедорожник, возле которого скучало несколько солдат. Саша сбросил скорость и остановился в десятке метров от них. Они без особого интереса посмотрели в его сторону, вероятно он не первый кто пытается здесь проехать. Наверняка они завернули не мало местных жителей.

Объехать препятствие было невозможно, да и солдаты здесь не просто так стояли. Пришлось выйти из машины и направиться к ним.

– Могу проехать? – спросил Саша, указывая на дорогу за военными.

– Нет, – безразлично покачал головой первый военный. – Сейчас учения идут.

– А так? – Саша протянул ему журналистское удостоверение.

Военный взял его в руки, несколько секунд изучал, а затем вернул и ответил:

– Не местное издание. Ничем не могу помочь. Мы и местных посылаем в пресс-центр министерства обороны, а чужакам вообще можем ничего не отвечать.

– Понятно, – проворчал Решетник, – ну а со старшим можно поговорить?

Военные переглянулись. Тот, что сидел в бронев автомобиле, взял микрофон радиостанции и что-то в него произнес, а затем услышал ответ. Из-за бронестекла невозможно было слышать, о чем шла речь, но военный приоткрыл дверь и ответил:

– Старший как раз едет сюда, через минуту будет.

– Хорошо, я подожду, – Саша спрятал удостоверение и вновь спросил военных: – Ну а вообще, чем здесь занимаетесь?

– Мы здесь стоим, – ответил тот, что был во внедорожнике. – Уже неделю. Сутки стоим, потом на сутки нас меняют, потом снова сутки стоим. Что там дальше делают понятия не имею, мы туда не ездим.

– А кто там учения проводит? – Саша хотел разузнать больше до приезда старшего.

– Саперы, наверное, или инженеры, – ответил военный. – Сначала что-то строят, теперь взрывают. Вообще это не наше дело. Наша задача здесь стоять.

– Ну понятно, – Саша кивнул.

На дороге показался армейский внедорожник. Военные засуетились и откатали свой бронев автомобиль с дороги в глубину леса, освобождая тем самым путь начальству. Теперь и Решетник должен был куда-то деть свою легковушку, которая преграждала путь военным.

Когда второй внедорожник поравнялся с журналистом, он резко затормозил и из него вышел офицер в чине майора. Он быстро подошел к Решетнику и резко спросил:

– Что вы хотите?

– Я журналист, – Саша показал удостоверение, – У вас здесь что-то взорвалось и в городе видели взрыв. Могут быть слухи, если не будет официального ответа о причине взрыва.

– Желающие могут получить официальный пресс-релиз от министерства, – ответил майор, – а наши взрывы никому не навредят.

В этот момент задняя дверь офицерского внедорожника открылась и из нее вышла девушка с ярко-рыжими волосами, собранными в хвостик. Она была одета в гражданские джинсы, но армейскую майку и ботинки. Строгие черты лица были приятными, но в то же время на них была печать усталости и нехватки сна.

– Здравствуй Саша, – произнесла девушка.

Решетник на мгновение замер, затем ответил:

– Здравствуй Марина. А ты что здесь делаешь?

– Знакомые из министерства обороны попросили поработать с ними во время учений, – ответила девушка.

– Что-то с химией связано? – спросил Саша.

– Именно так, – ответила Марина, ловя на себе пристальный взгляд офицера. – Им понадобилось сжечь немного твердого ракетного топлива. Я наблюдаю за мерами безопасности.

– Вот что взорвалось, – пробормотал журналист.

– Это был не совсем взрыв, – качнула головой девушка. – Долго объяснять.

– И не нужно, мы торопимся, – прервал ее майор.

– Тогда не буду вам мешать, – Саша направился к своему автомобилю.

– А ты здесь по работе? – бросила вслед Марина.

– Да, приехал слушать чем отличается один камень от другого, – ответил Решетник открывая дверь своего авто.

– Даже не знаю у кого из нас работа интересней, – улыбнулась девушка. – Удачно поработать.

– Тебе тоже.

Девушка и майор вернулись во внедорожник, из которого наблюдали как журналист пытается уступить им дорогу. Получилось это не с первого раза, но спустя несколько попыток он все же нашел куда отогнать свой автомобиль, давая дорогу военным.

Часовые вновь перекрыли проход своим броневым автомобилем, а Саша с трудом развернулся и направился следом за внедорожником офицера. Машина военных чувствовала себя в колеи гораздо лучше, чем легковушка Решетника, а потому уже через пару минут они скрылись с глаз. Саше оставалось только добраться до выезда на дорогу и повернуть налево. В Дмитровске его уже ждал завтрак.

Глава первая. Самолет

Я поднес телефон к уху и услышал там голос Кости.

– У тебя еще десять минут, – сообщил приятель.

– А ты не можешь его задержать? – быстро спросил я. – Здесь чертова пробка.

– Он уходит через десять минут, – настаивал Костя. – Может быть давай я ему вопросы задам?

– А фото? – я ткнул рукой в клаксон, но это мало помогло. Тянушка занимала пространство пяти кварталов.

– Я на телефон его сниму, – предложил приятель. – Разве на телефон не подойдет?

– Мне редактор за телефон будет мозг мыть, – ответил я. – Для рекламной полиграфии нужно на нормальную камеру снимать.

– Ты же не рекламщик, – напомнил Костя, – Пусть они приезжают и делают фото.

– Обязательно использую этот аргумент в споре с редактором, – ответил я раздраженно. –

А камеры у вас нормальной нет?

– Только в телефонах, – ответил Костя.

– Ладно, я сброшу тебе вопросы, а ты его спросишь и сфотографируешь как сможешь, там разберемся, – я обреченно посмотрел на свою новую фотокамеру в футляре.

– Ты еще можешь успеть, – добавил мой приятель.

– Да хрен я уже куда успею, – я положил трубку и принялся набирать на клавиатуре телефона вопросы, которые должен был задать шефу своего приятеля.

Костин шеф руководил крупной логистической компанией и был человеком известным в городе. Кроме этого он часто занимался благотворительностью и давал деньги на проекты молодых специалистов. В этот раз мое издание проводило конкурс совместно с логистической компанией. Кроме интервью с руководителем компании я должен был сделать еще и фото, которое пойдет на рекламную полиграфию конкурса. Естественно время встречи было согласовано, я вообще очень ответственно подхожу ко времени, особенно когда это связано с работой, но в этот раз чертова пробка сломала мне весь график. И ладно бы я был в центре города, но увидеть пробку почти на окраине, еще и не в час пик, было для меня неожиданностью. А причиной тому стала авария на коммуникационных сетях, из-за которой пришлось перекрыть крупную транспортную магистраль, и все поехали в объезд. И вместе со всеми был я. Случайности бывают, никто не застрахован, но сорвать сроки выхода материала и подготовки полиграфии я не мог. Приходилось выкручиваться. Может быть у Кости в телефоне неплохая камера, а может быть я еще успею.

Конечно я не успел. Я спешил как мог, бросил авто на стоянке как попало, влетел в холл, подбежал к лифту, но все было тщетно. Когда я вышел из лифта Костя только развел руками и покачал головой.

– Все пропало? – спросил я, подходя к нему.

– Я записал ответы на диктофон, потом расшифруешь. – ответил приятель.

– А фото? Мне главное фото.

– Вот смотри, – он протянул мне свой телефон.

Фото было сносным. Не отлично, и даже не очень хорошо, но сносно.

– Скинешь мне все это? – спросил я.

– Давай сейчас, – он кивнул на окно. – У меня потом еще работа.

Мы подошли к окну и сели на широкий подоконник. Приятель отправил мне электронное письмо с прикрепленными фото и диктофонной записью. Я достал свою камеру и включил. Она делала на порядок более качественные фото, чем телефон моего друга. От нечего делать я крутил колесико настроек, и посматривал в окно. Мы были на последнем этаже с очень хоро-

шим видом. Чуть правее находились склады компании, за ними поля. Прямо стояло несколько пятиэтажек, а за ними снова поля. Слева тоже были поля, а также трасса, ведущая из города. Я навел камеру на поля и сделал несколько снимков. Снег местами почти сошел, но в городе, в тени высоких зданий, снега было еще вдоволь.

– Я закончил, – сообщил мне Костя. – Шеф говорит, что завтра, перед отлетом, его еще можно будет встретить в аэропорту.

– Если фото не прокатят, то я в аэропорту буду ночевать, – проворчал я.

– Да прокатят, – Костя похлопал меня по плечу. – Все равно не на билборды снимок.

– Ладно, – я пожал руку приятелю, – спасибо. Иначе вообще был бы сегодня с пустыми руками.

– Обращайся, – кивнул Костя.

Я бросил еще один взгляд в окно, перед тем как идти, и замер на месте. Правее нас, над полем, показался небольшой двухдвигательный самолет. Транспортный. В полете его кренило то на правый бок, то на левый. Двигатели гудели надрывно и казалось, что иногда один из них замолкает. Я вскинул камеру и сделал несколько снимков. Самолет качнуло в сторону, и он начал заваливаться на бок. Затем пилот попытался поднять нос, но воздушное судно едва смогло сделать пологую горку и вновь направилось к земле.

– Сейчас разобьется, – прошептал мой приятель.

Все сотрудники офиса прильнули к окну, а я держал камеру наготове. Самолет начало уводить правее, но затем пилот переложил штурвал и его повело влево. Мы отчетливо видели, как он идет по широкой дуге одновременно теряя высоту. Судя по звуку один из двигателей отказал, а второй работал с перебоями. Я сделал несколько снимков, а после этого включил видеозапись. Я сопровождал самолет объективом, стараясь не терять его из виду, а делать это было легко, самолет шел вниз по предсказуемой траектории. Земля для несчастных становилась все ближе и ближе, казалось пилоты оставили все попытки что-то изменить.

Он смог отлететь от нас километра на три. Возможно пилот уводил машину от города, а может быть самолет был неуправляем и нам просто повезло. За мгновение перед ударом показалось его второй двигатель полностью затих, а затем произошло столкновение. Самолет со всей силой ударил в землю, зарываясь носом в грунт. Крылья просто развалились от удара, а еще спустя мгновение произошел взрыв. Я никогда не думал, что, взрыв авиационного керосина может быть таким ярким. Всем пришлось отвернуться, кроме меня. Я не смотрел на взрыв, а экран камеры смог сгладить для моих глаз столь яркую вспышку. Я даже подумал, что взорвались не баки самолета, а что-то внутри его корпуса. Вверх взметнул огненный шар, а место падения мгновенно заволочло черным дымом. Я выдохнул и выключил запись. Костя стоял с приоткрытым ртом и сжимал в руках телефон. Затем он медленно, словно отходя ото сна набрал телефон экстренной службы, но там было занято. Он не первый звонил по поводу катастрофы. Я еще раз посмотрел на место падения. Черный дым закрывал от нас остатки самолета, и лишь иногда сквозь него прорывались языки пламени. Вокруг места падения начал сгущаться туман. Вероятно, пламя растопило остатки снега и это был не столько туман, сколько пар.

Костя вытер пот со лба и подошел к кулеру с водой, набрал немного воды в бумажный стаканчик и сделал несколько глотков. Я подошел к нему. Мне пить не хотелось, зато хотелось отправиться к месту катастрофы. В офисе стоял тихий гул от голосов впечатленных сотрудников.

– Видел такое когда-то? – спросил Костя, переводя дух.

– Ни разу, – ответил я. – Я многое видел, но такое впервые.

Я действительно «такого» не видел, но в моей работе всякое бывало, и я был не настолько впечатлен, как другие.

– Там наверно все погибли? – спросила девушка, подошедшая после нас к кулеру.

– Там точно все погибли, – ответил я утвердительно, – но это не пассажирский самолет. Иллюминаторов нет, а значит он транспортный. Погиб только экипаж.

– Как страшно, – девушка отпила воды. – Мог ведь и на нас упасть.

Я бросил взгляд в окно. С полей к нам надвигался густой туман. Ни клубов дыма, ни языков пламени, ничего разглядеть в тумане не удалось. Где-то завывали сирены скорых и пожарных автомобилей.

– Нужно поспешить, – решил я. – Пока остальные поймут куда ехать, я уже отсниму там материал. Или, может быть, им помощь нужна.

– Туда поедешь? – Костя указал на стену белого тумана за окном.

– Да. Реабилитируюсь перед редактором за сегодняшнее опоздание эксклюзивными кадрами.

Я попрощался с Костей и вышел из офисного здания. Туман был настолько густой, что я уже успел пожалеть об идее поехать к месту аварии. Я же ничего не разгляжу дальше вытянутой руки. С другой стороны, пожарные туда как-то едут. Их вой не смолкает. Я остановился перед парковкой. В моих руках все еще была камера, которую я просто забыл спрятать в футляр. Пока я возился с футляром звуки серен почти смолкли. Осталась только одна серена, которая перестала отдаляться, и теперь приближалась. Они нашли раненого и везут его обратно в город? Я с недоверием смотрел на туман, который успел поглотить несколько первых зданий дальше по улице и приближался ко мне. Еще и снег пошел, как назло.

Я закинул камеру в наплечную сумку и зашагал к парковке. Офисное здание от нее отделила дорога, параллельная главной улице, и, только я ступил на дорогу, как из тумана вылетела та самая скорая, и с диким воем промчалась мимо, чуть не сбив меня.

– Твою мать! – вырвалось у меня, и я отступил назад на тротуар. – Хоть бы фары включили!

Следом промчалось еще несколько машин, на этот раз уже без серен, фар, и вообще такого понятия как «тормоз». Я нерешительно остановился. Метрах в тридцати от меня, из тумана, выбежало несколько людей и с криком бросились прочь от белесой пелены. Снег усиливался. Теперь он падал крупными хлопьями, но был какого-то странного бело-серого цвета. Я поймал одну снежинку и растер ее рукой. Это был определенно не снег. Больше похоже на пепел. Я резко бросил взгляд на белую стену тумана и зачем-то отступил от нее на несколько шагов. Еще несколько автомобилей пронеслось по улице. Где-то вдали были слышны крики. Я посмотрел на офисное здание, может быть мне в нем укрыться? Нет. Я снова посмотрел на туман.

И тут я увидел, как белесую стену тумана разрезают языки красного пламени. Казалось за туманом горит что-то колоссальное, а спустя секунду я увидел это колоссальное. Следом за стеной тумана, который уже начал рассеиваться, шла сплошная огненная стена. У меня просто челюсть отвисла от такого зрелища. Я сделал еще несколько шагов назад, не понимая, бежать мне или уже бесполезно. Огонь начинался у самой земли и возвышался на добрых три десятка метров. У подножья красный, он розовел к вершине, а над самой вершиной было сероватое облако, из которого падали огромные серые хлопья пепла. Огонь словно вырывался из-под земли и прятался в это облако.

Еще несколько секунд потребовалось огню, чтобы приблизиться к первому высотному зданию и поглотить его. Он не сразу это сделал, словно смакуя добычей, на секунду замедлился, уткнувшись в бетонную преграду, затем с обратной стороны здания из окон вырвались языки пламени, затем все здание скрылось в огне. И тут я понял, что нужно бежать. Именно бежать, ведь огонь двигался очень быстро. К машине я уже не успею, а значит бежать на своих двоих. Бежать изо всех сил, на которые я был способен. И я побежал.

Первую сотню метров я бежал вдоль улицы. Несколько десятков человек составляли мне компанию, иногда мимо проносились автомобили. Затем я остановился и оглянулся, пламя

нас нагоняло. Оно уже успело сожрать здание, где работал Костя. И уж тем более оно сожгло мой автомобиль.

Я развернулся и вновь побежал, но на этот раз свернул во дворы. Здания слегка тормозили огонь, но я все равно чувствовал его жар, видел, как вокруг меня кружит танец серых пепельных снежинок. Я старался не оглядываться, но когда делал это, то моему взору открывалось неизменное зрелище: огонь, поглощающий здания, языки пламени, вырывающиеся из окон, люди, бегущие медленней меня и с криком скрывающиеся в огне.

Собственно, в огне скрывались даже машины, не успевающие вырваться на дорогу из двора, или врезавшиеся из-за невнимательности в другой автомобиль. Минут через десять я сумел перевести дух. Так долго я уже давно не бегал. Большую часть моего забега я ощущал жар от огня и совсем взмок в своей зимней куртке. Народ вокруг меня кричал, хватал какие-то вещи, брел, шел и бежал прочь от стихии. Люди садились в автомобили, устраивали пробки и аварии, бросали свои машины и шли дальше пешком. Повсеместно кричали дети. Да и взрослые тоже кричали. Я стоял у угла здания, тяжело дышал и смотрел, как на другом конце улицы пеплом ввысь взмывает одно здание за другим. Только теперь я обратил внимание, что у самого подножья огненной стены пламя как-то причудливо вихрится, словно там есть какой-то бесконечный источник огня.

Я достал мобильный телефон. Сигнала не было. Я бросил взгляд на вывески магазинов – они все погасли. Похоже нашей электрической подстанции конец. Да и вообще конец всей связи в районе. Надеюсь власти знают о происходящем. Только сомневаюсь, что они знают, как гасить это огненное чудовище.

Впрочем, я тоже не знаю, что мне делать, а значит самый простой способ – это идти прочь от огненной стены. И я пошел. Верней, очень быстро пошел. Сил бежать у меня не было, но шаг я ускорил как мог. Я заметил, что огонь стал выше, но медленнее. Значит он замедляется и, может, остановиться. Остановиться?

Только сейчас, перестав бежать, я начал пытаться осмыслить происходящее. Что произошло? От чего я бегу? Я оглянулся, огонь никуда не делся. Он все так же идет следом за мной. Что вез этот чертов самолет? Столько взрывчатки в него не влезет. Я еще раз оглянулся. Это явно не из-за взрывчатки, и на керосин не похоже. Это больше похоже на лесной пожар, только огонь немного другого цвета и более плотный. Сквозь огненную стену вообще ничего нельзя увидеть.

Метрах в двадцати от меня столкнулось два автомобиля. Одна легковушка ударила в бок другую. Вероятно, оба водителя пялились на огонь. Я бросился к ним и помог выбраться одному из водителей. Подушка безопасности спасла его от травм, но ушиб руки он все же получил. Второй водитель пострадал еще меньше и смог выбраться сам. Я оставил их, когда они начали словесную перепалку. У меня нет времени с кем-то ругаться. У них тоже. Наверно это стресс, когда человек вместо действия начинает срывать злость.

Я отошел еще на добрый километр и оглянулся. Похоже, я выиграл маленькую фору. Сразу же пришла идея, на что эту фору потратить. Мой дом был не очень далеко отсюда. Можно было успеть зайти домой и прихватить какие-то вещи. Я осмотрелся. Мимо как раз шла семейная пара с одним чемоданом. Женщина плакала, а ее муж был словно серым от шока. За ними мать с ребенком, совсем без вещей. А какие вещи мне брать?

Я свернул на прилегающую улицу. Здесь снег был хуже расчищен и ноги вязли. Ничего, скоро его и вовсе растопит. Только меня к тому моменту уже не должно здесь быть. Какая-то женщина выбежала на улицу в одном халате и крикнула мне:

– Скажите, что происходит? Вы знаете, что случилось?

– Какой-то взрыв вызвал чудовищный пожар, – я указал в сторону огня. – Горит очень сильно и огонь быстро приближается сюда.

Голос определенно был не мой, хотя говорил именно я. Нужно на себя в зеркало посмотреть, я наверно тоже серый от шока.

– Я не могу никому дозвониться, связи нет, – жалуется мне женщина. – Мой муж еще на работе, а я не знаю, что мне делать.

– Бегите отсюда! – крикнул я, стараясь вернуть свой голос. – Бегите как можно скорее! Прочь от огня. Мужа потом найдете.

– Зачем бежать? – женщина была бледной как мел.

– Пожар идет сюда! – крикнул я и зашагал дальше.

Женщина осталась стоять в растерянности, но кто-то другой уже давал ей полезные советы с противоположной стороны улицы. Люди выбегали из домов и тащили то, что можно было быстро собрать с собой. Впереди меня подъехал маршрутный автобус и начал собирать людей. Мне очень сильно захотелось залезть в него, прицепиться сзади, или вообще вылезть на крышу, и просто уехать отсюда. Я остановился перед дверью, в которую внуки подсаживали бабушку. Следом вбежала женщина с чемоданом, затем мама с двумя детьми. Я не мог лишить их места в автобусе. Я даже подал чемодан одной пожилой паре, а сам отошел. Может быть глуповато играть в благородство, когда ты сам не понимаешь, что происходит, но я не старый и не слабый. Меня не нужно спасать. Автобус с трудом закрыл двери и медленно покатился по улице. С моего места я не видел огонь, но понимал, что он достаточно близко, чтобы первые пепельные хлопья долетели до меня. Как хорошо, что этот пепел подсказывает мне, что пора бежать.

Я снова бежал километр, потом шел несколько сотен метров, потом еще бежал. Теперь все улицы были заполнены людьми и машинами. Муравьиные потоки, бегущие прочь от огня. А сколько уже не успело убежать? Следующим привалом была площадь. Я сгреб снег с лавочки и сел на нее. От площади шло два крупных проспекта и несколько улиц поменьше. Один из проспектов вел точно в сторону огненной стены, которая уже заметно возвышалась над самыми высокими зданиями в этой части города. Людей вокруг было много. Кто-то фотографировал огонь, пользуясь удачным ракурсом, а кто-то отдыхал, как и я.

Собственно, я тоже вытащил свою фотокамеру и навел ее на огненную громаду. Раньше стена огня казалась мне меньше, но теперь она скрывалась за домами и слева, и справа от проспекта. А если судить по облаку над огнем, то она растянулась на несколько километров как минимум. Это пугало масштабом пожара, но, на самом деле, завораживало красотой огня. Стихия всегда красива.

Рядом остановилось несколько автобусов и люди ломанулись к ним. Крики, ругань и маты – люди боролись за место в автобусе, но до драк пока не доходило. Я перевел взгляд обратно на огонь и сделал еще несколько снимков. Своей редакции я их точно уже не продам, ведь моя редакция, если я не ошибаюсь, как раз только-что пожрана огнем. Может быть в столице мне что-то заплатят за эти снимки. И уж точно мне заплатят за видеозапись падения самолета. Возможно даже не СМИ, а правительство, или ученые. Кто еще снял зарождение огненного вихря?

В этот момент надомной послышался авиационный гул. Я задрал голову вверх и увидел еще один самолет. Этот был больше и шел он прямо на огненную стену. Все вокруг замерли, с опаской глядя на еще одну стальную птицу. Не рванет ли этот? Может он собьет вторым взрывом пламя от первого? В моей голове столько мыслей пронеслось, но ни одна мне не понравилась.

И вот я вижу, как от второго самолета отделилось три точки, а сам он заложил резкий левый вираж и загудел форсажем. Он сбросил бомбы? Я вновь вскинул камеру, готовый снимать новые взрывы. Меня конечно смущал тот факт, что огонь менее километра от меня, и можно сказать я нахожусь в зоне поражения. Особенно если самолет промахнется. Но камеру

я не опустил, и укрытия не искал. Даже немного привстал, чтобы лучше видеть куда упадут бомбы.

Первая упала правее проспекта и явно снесла небольшую многоэтажку. Звук взрыва был настолько мощным, что в ближайшем доме дрожали окна. Вторая упала точно между местом падения первой, и проспектом. Не видел, что она там снесла, но вот третья бомба попала точно в огненную стену посередине проспекта. Я успел снять, как пламя колыхнулось и распалось надвое, оголив перед моим объективом то, что уже успело попасть по ту сторону огня: серые и черные громады зданий с пустыми окнами, проспект укрытый слоем пепла, остатки автомобилей.

И в этот момент к нам пришла ударная волна. Два первых взрыва были закрыты от меня зданиями, которые приняли на себя ударные волны, но от третьего меня ничто не защищало. Меня сорвало с лавочки и швырнуло метра на три в сугроб. Камеру вырвало из рук, и она улетела еще дальше. Люди, которые были поблизости, повалились на землю. Я даже слышал звон битого стекла, но подозреваю, оно вылетело из зданий более близких ко взрыву.

Правый бок и рука ныли, голова трещала, но я смог подняться из сугроба и помог встать нескольким людям. Мы все отряхивались, поглядывая на просвет в огненной стене. Казалось, что движение огня остановилось. Кто-то даже заплотировал, а я вертел головой в поисках фотокамеры.

Но аплодировали зря. Еще несколько секунд и огонь вновь сошелся в монолитную стену, а свой путь он и вовсе не прекращал. Авиаудар результата не принес, и я подумал, что сейчас будут еще самолеты, и бомбы, и ракеты. Но ничего не было, только огонь продолжал свой путь, поглощая дом за домом, постройку за постройкой.

Я спешно вертел головой, ища улетевшую камеру. Вокруг хватало снега, и я рисковал не найти ее. Зато осмотрев несколько сугробов, я нашел, что правая нога тоже болит и теперь я слегка прихрамывал, а вот камеры нигде нет. Ее не было и возле небольшого деревца в паре метров от меня. Огонь приближался, я спешил. Сейчас я теряю бесценную фору, и рискую остаться без уникальных кадров.

Камера нашлась. Верней, ее обломки. Ударная волна швырнула ее дальше, чем я предполагал, и она разбилась о стену ближайшего дома. Все, что мне оставалось, это вытащить карту памяти, и надеяться, что она не пострадала. На вид она была целой.

Дальше у меня уже не было времени на привалы и отдых. Я шел, прихрамывал, старался бежать, но теперь это было делать еще сложнее. Боль в руке прошла, но ведь она отдыхала, а дать время на отдых ногам я не мог. На одних улицах меня сопровождали толпы людей, на других было почти безлюдно. Где-то гудели двигателями колонны автомобилей, автобусов, грузовиков. Сигнал клаксона я слышал почти постоянно. В городе было много аварий, но из-за низкой скорости все они были мелкими и без жертв.

На одной из улиц двое мужчин грабили магазин. Персонал бросил его, когда узнал о катастрофе, и теперь любой желающий мог поживиться практически всем, что было душе угодно. Магазины, кафе, рестораны, торговые центры – все было оставлено на милость грабителям, а позднее огню. Я посмотрел на них, повертел головой в поисках полиции, а затем пошел дальше. У меня нет времени. Возможно у них есть время, а у меня его нет. Сигнализация не срабатывала. Полиция сейчас занята другим.

Только теперь мне бросилось в глаза, что среди общего хаоса и людских потоков есть и случаи мародерства. Тащат все, от продуктов питания, до холодильников. Seriously, два прикурка грузят в микроавтобус холодильник, который они явно не купили. Поставят себе в квартире, прежде чем она сгорит? Где здесь логика? Мне уже сейчас очевидно, что огонь не удастся остановить и моему городу конец, моей квартире конец, да и мне конец, если я буду продолжать смотреть на грабителей, а не бежать.

Я прибавил темп. Нога продолжала ныть, но идти уже не мешала. Еще несколько поворотов и улиц, и кварталов. Вот мой дом. Двенадцать этажей и прекрасный вид на запад и север из окон. Огонь идет с другой стороны.

Я вошел в подъезд, нажал кнопку вызова лифта и в тот же момент вспомнил, что электричества уже нет. Пришлось подниматься наверх пешком. Хромота вернулась, но это не помешало мне преодолеть все двенадцать этажей за пару минут. Я просто влетел в квартиру, вошел в гостиную и сел на диван. Я тяжело дышал и мне хотелось пить. Страшно хотелось пить, и спать, и приготовить себе что-то вкусное на кухне. Хотелось выключить этот дурной фильм и заняться чем-то более интересным, а фильм досмотреть потом. Вот сейчас, сидя в своей квартире, на уютном диване, я понимаю всю нереальность огненной стены и беженцев. Черт возьми, люди все еще в своем городе, но уже беженцы. Я все еще в своей квартире, на диване, но уже беженец! Такого огня не бывает, я сплю и вижу дурной сон.

Собраться! Собраться силой воли, и собраться в смысле каких-то вещей. Я с трудом встал и прошел в ванну. Я и вправду посерел, но не от шока, а от пепла. Куртка грязная, в снегу и в пепле. Штаны тоже. О лице и говорить не стоит. Я судорожно принялся смывать с себя пепел, с лица, одежды. Затем плюнул на все и просто переоделся. Новая куртка была легче и удобней для длительных переходов. Штаны тоже. Ботинки я сменил на старые армейские, в которых пару раз ходил в поход. Отыскал сумку и сгреб в нее те несколько консервов, которые были у меня в холодильнике. Следом отправились документы, походный нож, пару бутылок воды, деньги, сменное белье. Надел на руку часы, которые обычно не носил. Затем я напился воды вдоволь и нашел несколько шоколадных батончиков, которые съел на месте. Затем снова вода. Кажется, я готов идти, но сперва нужно кое-что сделать.

Выходя из квартиры, я замер с ключом в руке. Я же больше не вернусь сюда. Или вернусь? Что я здесь отыщу? Пепелище. Я запер дверь, подергал ручку, положил ключ в карман. Еще несколько секунд я просто смотрел на входную дверь. Вот моя квартира, и ключ от нее, но я все равно уже бездомный. Сколько людей в мире чувствуют то же, что и я? Войны, бедствия, стихии и катастрофы заставляют людей чувствовать что-то похожее. У тебя есть твой город, твоя квартира, но в действительности, у тебя ничего нет. Ладно, есть еще одна задумка.

Я поднялся на крышу и посмотрел на восток. Зрелище, открывавшееся с высоты, повергло в шок. То, что внизу казалось огненной стеной, на самом деле было огненным кольцом, идущим от места падения самолета, как волна идет от камешка, брошенного в воду. Внутри кольца все серое от пепла. Огненная стена стала еще выше и неумолимо надвигалась на меня. Вероятно, она поглотила уже почти треть города. Она поглощала здания с невиданной легкостью, даже не замедляясь как раньше. Над всем огненным кольцом висело такое же облачное кольцо, из которого не переставая валил пепел. Его крупные хлопья успевали покрыть толстым слоем все, что спустя минуты пожиралось огнем. Зрелище ужасное, и невероятно красивое. Пламенный вихрь, и бесчисленные людские потоки, муравьями идущие от него. Вдали висело несколько вертолетов. Это мои коллеги делают эксклюзивные репортажи. Да, у журналистов теперь работенки прибавилось.

Я спустился с крыши и не оглядываясь пошел прочь от огня.

Глава вторая. Дорога

Мне потребовался час, чтобы добраться до границы города. Почти все это время я не видел огненного кольца, но его облачная шапка всегда виднелась над крышами зданий. Люди вокруг все время что-то говорили, жаловались, плакали, тащили свой не богатый скарб. Я тащил легкую сумку. Кто-то тащил вещи из магазинов. Люди пытались отогнать мародеров, но те убегали, а затем снова возвращались. Думаю, среди машин, бесконечно тянущихся на выезд из города, немало краденных. Кстати, многие предлагают место в машине. Я всегда уступаю другим. Не у всех есть авто, чтобы выехать из города, не всем хватает места в автобусах. А людей из больниц и вовсе не эвакуируют. Лежачих так точно.

На окраине нас встретили военные. Их грузовики подъезжали колоннами с нескольких направлений и выстраивались ровными рядами. Военные грузили в них людей, тех, кому нигде не нашлось места, и отправляли дальше. А собственно куда дальше?

– Кто здесь старший? – я подошел к нескольким солдатам.

– Вон там! – один из них указал на лейтенанта, руководившего отправкой колонны грузовиков.

Я подошел к офицеру.

– Вы знаете что произошло? – я показал свое удостоверение журналиста.

– Ничего не знаю, – ответил офицер и крикнул несколько команд водителям.

Грузовики двинули по дороге на юго-запад. Следующая партия армейских грузовиков начала строиться для погрузки беженцев.

– Сейчас автобусы придут, – сообщил офицеру другой военный.

Лейтенант кивнул и бросил взгляд на карту, которую держал в левой руке, затем он посмотрел на город, над которым виднелось пепельное облако, а затем снова на меня.

– Я лишился дома. Я не знаю, что с моими друзьями, – спокойно говорил я. – Я видел, как разбился самолет, а потом все это началось, – я махнул рукой в сторону огненной стены.

– Сочувствую, но ничем не могу помочь, – ответил лейтенант. – Нас подняли по тревоге, отправили сюда и приказали провести эвакуацию. Мы больше ничего не знаем.

– Там в городе полно мародеров, – сообщил я.

– Если у нас будет больше людей, мы сможем отправить патрули, – ответил офицер, – но у нас не будет больше людей, а огонь доберется до этой развязки через два часа.

– Значит вы не контролируете ситуацию, – пробормотал я.

Лейтенант отрицательно качнул головой и предложил:

– Садитесь в один из грузовиков, и мы отвезем вас в безопасное место.

– Нет спасибо, я доберусь сам, – я был раздражен.

– Тогда двигайтесь дальше по дороге, – указал офицер. – Мы вывозим людей в этом направлении.

– Хорошо, – я кивнул, отошел в сторону и услышал позади знакомый голос.

– Они ничего не контролируют, – сообщил мужчина немного старше меня.

Он отделился от небольшой группки людей и подошел ко мне. Я уже несколько раз видел его, кажется на пресс-конференциях.

– Максим Дорошин, – он протянул мне руку, – помните меня. Кажется, Александр?..

– Решетник, – я пожал руку. – Да, я вас помню. Вы что-то знаете об огне?

– Только историю про самолет, – он покачал головой.

– Я видел этот чертов самолет, но что вообще происходит не могу понять.

– Сейчас никто ничего не может понять, – Дорошин поправил шапку на голове. – Мои источники говорят, что военные были наготове, когда это случилось. Грузовики были проверены несколько дней назад. И не только из ближайшей части.

– Конспирология, – решил я. – Что такое они могли перевозить, что вызвало такой пожар.
– Кто-то знает, – вздохнул Дорошин. – Может быть и конспирология.
– А откуда у вас связь с вашими источниками? – заинтересовался я. – Телефоны не работают.

– Дальше по дороге есть сигнал мобильной связи, – он указал направление. – Правда сеть перегружена.

– Куда их везут? – тихо спросил я, глядя на то, как грузят очередную партию людей.

– В Выровск, или дальше, – пожал плечами Максим. – Не понятно, почему так далеко. Неужели огонь как-то продолжит распространяться за пределами города? Здесь нечему гореть.

– Выровск далеко, – вспомнил я. – Пятьдесят километров, не меньше.

– Значит они предполагают, что гореть будет... снег на полях, – иронично улыбнулся Дорошин. – Земля?

– Не знаю, – я не сводил глаз с пепельного облака. – Но такого огня я еще в жизни не видел.

– Пойду поговорю с людьми, – Дорошин сделал несколько шагов от меня. – Удачи вам, Александр.

– Вам тоже, – ответил я и снова посмотрел на облако.

Над городом уже кружило несколько десятков вертолетов. Журналисты и военные осматривали место событий. Я сижу здесь, на земле, а у них отличный вид на огненное кольцо. Жаль повыше мне не забраться.

Что-ж. От развязки отъехала еще одна партия грузовиков. Вдалеке виднелась колонна автобусов. Они стройным рядом двигались в нашу сторону, а на обочине уже столпились тысячи желающих уехать туда, где безопасней. Я потоптал ногами снег. Снег точно не горит? Мне нужно идти. Мне нужно выиграть фору времени до вечера. Кто знает, с какой скоростью идет огонь, и где он остановится. И я, поначалу медленно, а затем все быстрее, зашагал в том направлении, в котором ехали все остальные.

Я шел не один. Многие не стали дожидаться очередной партии грузовиков и пошли своим ходом. Вереница автомобилей, грузовиков и автобусов, а на обочине идут люди. Все движется слишком медленно, и я невольно обгоняю их, просто держа привычный темп. Под ногами лежат вещи, брошенная техника, одежда, какие-то сумки. Люди поняли, что взяли больше, чем им нужно, и теперь бросают излишки просто под ноги. Другие видят годную одежду и поднимают. Вот такой слепой обмен происходит прямо перед моими глазами. Какая-то женщина просит воды. Она забыла взять воду – самое ценное, и теперь просит напиться. Она не одна такая в этой проблеме, не у всех есть вода. Я отдал ей одну из бутылок. Ее благодарности я слышал еще долго, даже оторвавшись вперед. Если кто-то попросит поесть, я не найду ничего кроме банки рыбных консервов и шоколадного батончика, но и это я отдам. От этого я не стану героем, но останусь человеком. Я бы искал кого, с кем можно подискутировать на тему человечности мародеров. Впрочем, даже я допускаю кражу продуктов из магазина в ситуации, когда власти не могут позаботиться о беженцах. Похоже, что пока они заботятся. Во всяком случае грузовики к месту эвакуации все едут и едут.

Я оглядываюсь назад. Я уже отошел от города на пять километров. Огонь стал еще выше и теперь прекрасно видно, как ярко-красная стена тянется дугой. Противоположная сторона огненного кольца наверняка ниже и слабее, а может быть она вовсе потухла. Она двигалась полем и редкими лесополосами, которые плохо подкрепляют огонь. А если не потухла? Я сошел с дороги и присел на поваленное дерево. Здесь уже отдыхало несколько человек. Огонь словно разогнал облака. С утра была небольшая облачность, но сейчас ясно, и даже немного жарко. Солнце начало припекать, что не свойственно последним дням февраля. Может быть огонь топит снег и жжет саму землю. Я ведь видел странную мерцающую дугу у основания огненной стены.

Воду следовало беречь, но я не сдержался и вновь напился. Вторую бутылку можно выбрасывать. Я машинально повертел головой в поисках урны, но, естественно, ее здесь не было. Еще одна моральная дилемма: выбрасывать ли мусор просто так, на землю? Других этот вопрос не беспокоил, и обочина уже была прилично загажена. Спишем все на исключительность ситуации. Я бросил бутылку себе под ноги и встал с дерева. Пока огонь дает фору, нужно этим пользоваться.

Интересно, с какой скоростью движется огонь? Я думаю, не более двух километров в час. Поначалу он действительно был намного быстрее, я едва оторвался от него, но сейчас он медленно ползет. Может быть на переваривание целого города нужно больше времени, а тогда, на поле, он изрядно разогнался. Но, в таком случае, та часть огненного кольца, которая идет полями, должна быть быстрее, и вот у нас уже не кольцо, а сложная геометрическая форма. Но с крыши своего дома я видел именно кольцо. И скорость на поле была не больше, чем в городе. Какие законы физики определяют эту скорость? Я иду у обочины и время от времени оглядываюсь. Огонь движется медленно, но заметно подрос за последний час. Огненная стена изначально была чисто красного цвета, а теперь, я бы сказал, что это тот цвет огня, который кажется наиболее приятным глазу. Теперь огненная стена бледнеет к вершине, а венчает ее сильно разросшееся облако. Иногда мне кажется, что в облаке случаются разряды молний, но, думаю, это лишь игра моего воображения. Оно дорисовывает некую зловещность и без того мрачной конструкции.

Здесь, в толпе беженцев, можно послушать много интересных историй. Кто-то считает, что началось второе пришествие, кто-то верит в истребление людей инопланетянами, другие делают ставку на правительственные эксперименты. Самолет явно не был инопланетным, и спаситель на нем наверняка не летел. Хотя я ума не приложу, что нужно везти, чтобы так полыхнуло. Есть и те, кто считает это наказанием природы, за наше отношение к земле. Вот тут я бы согласился, ведь в своих командировках я вижу еще нетронутую людьми природу, и она прекрасна, чего не скажешь о тех местах, которые людьми уже тронуты. Иногда даже слишком. А кто-то думает, что это был не самолет, а метеорит. Или вовсе божья кара, без прихода спасителя. Просто люди так допекли Богу, что их время прошло. Забавно, но рассуждают об этом не суеверные бабки, а мужики в полном расцвете сил. Я помалкиваю, лишь иногда поддакиваю или что-то говорю о самолете. Я знаю только то, что он был неисправен, но больше мне ничего не известно. Я даже не могу показать им видео падения, ведь у меня только флешка и больше ничего.

Кстати, пару раз я сообщал о флешке старшим офицерам, которых встречал в селах на пути нашего следования. Офицеры не знали, что делать с такой информацией, не имели на этот счет инструкций и вообще были очень заняты. Один подсказал мне, что в Выровске ночью будет развернут оперативный штаб, и что флешку лучше отнести туда. Теперь у меня есть цель, хотя сомневаюсь, что моя информация им чем-то поможет. Поможет только тот, кто знал, что на упавшем самолете.

Очень скоро я узнал еще и то, что военные проводят эвакуации в пятидесятикилометровой зоне от места падения самолета. Вывозят людей из всех городков и сел. Многих везут в Выровск, где спешно оборудуют места ночлега для беженцев, но есть и другие крупные города, которые дадут приют несчастным на ближайшие дни. Зима не позволяет разбивать палаточные городки, а потому используют школы, больницы, муниципальные организации и много еще кого. Проводиться так же мобилизация резервов, так как людей для организации эвакуации не хватает. Я всегда думал, что у нас раздутая армия, а вдруг случилась катастрофа, и людей нет. Это при том, что МЧС и гвардию тоже привлекают. Власть использует всех, кого может.

Откуда я это знаю? Военные рассказывают. А еще километрах в десяти от огненной стены начало ловить радио и появилась мобильная связь. Я пытался звонить родственникам и друзьям, которые были в городе, но они молчат. Некоторые не в сети, кто-то не берет трубку. Я

волнуюсь, но надеюсь на лучшее. Практически все жили вдали от места падения и наверняка успели выехать. В Выровске можно будет поискать своих.

Зато коллеги из других городов в курсе катастрофы и рассказали много интересного. Власть объявила об огненном апокалипсисе часа через два, после падения самолета. Называют это мощным взрывом, вызвавшим пожар. Когда журналисты с вертолетов сняли огненное кольцо, властям пришлось признаться, что природа пожара неизвестна. В этой части страны введено чрезвычайное положение. Всех будут эвакуировать, но тем, кто уезжает сам, рекомендуют не задерживаться на пятидесяти километрах, а ехать дальше. Оптимальным называют триста километров! Кроме того, проходят закрытые международные консультации. Похоже, масштаб трагедии колоссальный, и я не до конца его осознаю.

Сидя на одном из привалов, и жуя шоколадный батончик, я наблюдаю как вереница грузовиков въезжает в село. Машины есть почти у всех, и большинство уже выехало, но остаются одинокие, пожилые люди, которые и ехать то никуда не могут, да и не хотят. Военные их уговаривают, затем помогают грузить вещи. С военными есть врачи, многим нужно успокоительное. А есть и те, кто уже готов, собрал вещи и ждет своего места в грузовике. Собак и котов разрешают забрать. Остальных животных приходится оставить. Многие открывают клетки и загоны, в надежде, что животные сами убегут от огня. Удивительно, я несколько раз видел, как коровы или свиньи начинают неторопливо семенить в сторону от огня. Животные ощущают опасность. Кстати, птицы тоже ощущают огонь, и в небе роятся стаи птиц, которые собираются в некие подобия облаков и плывут подальше от огненного кольца.

Еще спустя пару километров я начал встречать грузовики военных, с которых раздавали сухие пайки и воду. Люди охотно брали и тут же садились обедать. Я не преминул возможностью перекусить и взял один себе. Обедать среди всех я не хотел, а потому присмотрел себе заправку, стоящую в сотне метров от основной дороги, на пути к небольшому городку. Возле заправки стояло несколько автомобилей, и я решил, что она еще работает. Деньги я прихватил и рассчитывал прикупить еще продуктов. При заправке был магазин.

Пока я шел к заправке, один автомобиль отъехал, а второй начал заправляться на его месте. Заправщика не было, водитель сам вставил в бак пистолет, а затем отправился в магазин. Я вошел следом за ним. Заправка оказалась брошена работниками и уже изрядно разграблена. Водитель сгребал с прилавков воду и таскал бутылки в охапке к машине. Он пробежал мимо меня молча, а когда вновь вернулся замер передо мной и спросил:

– Вы же не работаете здесь?

– Нет, – я качнул головой.

– Тогда хорошо, – он бросился внутрь. – Я видел где-то здесь полуфабрикаты.

Он быстро отыскал холодильник и начал набирать из него пачки с полуфабрикатами. Я вошел в магазин и огляделся. Можно было взять воду, напитки и мелочь вроде чипсов. Шоколад тоже еще оставался.

– Вас военные не смущают? – спросил я, не решаясь что-то взять.

– А что они сделают, расстреляют меня? – водитель закончил с полуфабрикатами и разглядывал другие полки.

– Это мародерство, – ответил я.

– Вы новости не смотрели? – он бросил на меня взгляд, затем вернулся к своему делу. – Здесь ничего не будут спасать или охранять. Пятьдесят километров ничейной территории, которая скоро сгорит, если они не придумают, как потушить этот огонь.

– Все равно есть правила, – упрямо ответил я.

– У вас есть пистолет? – спросил незнакомец.

– Нет, – я удивленно пожал плечами.

– А у меня есть, – уверенно ответил водитель. – Очень полезная вещь. Но все равно, никто не будет выставять патрули. Людям нужно как можно скорей отсюда убраться, и им

разрешено взять с собой все, что угодно. Вот если я залезу в чей-то дом, тогда я стану мародером. Или отниму что-то ценное у другого беженца, тогда я еще и преступник. А если я просто пытаюсь спасти себя, взяв немного продуктов, и бензина, то это не мародерство. Это борьба за выживание. Вы тоже себе что-то возьмите. Нам еще долго бежать от огня.

– Почему вы думаете, что они не найдут способ потушить огонь? – я скрестил руки на груди.

– Вы слышали, что они уже пытались сбить его бомбами – у них ничего не вышло. Потушить такое пламя тоже вряд ли удастся. Этот огонь будет гореть до тех пор, пока есть чему гореть, – незнакомец отставил в сторону один пакет и принялся набирать второй. – Я уеду как можно дальше, чего и вам советую.

Я не только слышал о бомбах, но и видел их. Да что там видел, я час хромал из-за них.

– Сейчас сюда еще кто-то придет, и он заберет здесь все оставшееся. И вы не брезгуйте, – водитель потащил пакеты в машину.

Я проводил его взглядом и подошел к раскладке шоколада и батончиков. Люди зачем-то набирают скоропортящиеся продукты, в то время, как сладкое хорошо восстанавливает энергию и храниться дольше. Моя мораль меня погубит. Мимо заправки проехал армейский автомобиль, но никто не вышел из него, и не сделал замечание. А ведь незнакомец как раз складывал пакеты в багажник. Я снял свою сумку и сложил в нее немного батончиков, и воды. Есть наверняка какое-то негласное разрешение брать все, что нужно для выживания. Это пугало меня, но пугало не только потому, что я чувствовал себя вором, а еще и потому, что в правительстве определенно не знали, как погасить огонь. Пятьдесят километров – это очень много. Это большая фора, которую люди отмеряют себе сами, потому что не знают, как долго будет пожар, и как далеко он пойдет, но точно знают, что его так просто не остановить. Значит точно знают.

Я покинул заправку как раз тогда, когда к ней подъехало еще несколько автомобилей, а машины моего собеседника уже не было поблизости. Я ел на ходу. Мне было не уютно сидеть и просто наблюдать за потоком людей и машин. Мне хотелось идти. Острая потребность в продолжении пути. Я ел молча, шел немного в стороне и ни с кем не говорил. Огненная стена все еще виднелась на горизонте. Интересно, как много нужно пройти чтобы она исчезла, скрылась за горизонтом. Чтобы даже пепельного облака не осталось. Пока она там за спиной, мне кажется, что меня преследует какое-то зло, от которого я не в силах убежать.

Еще час пути и вот первая крупная авария. Армейский грузовик смял несколько легковушек. Военные быстро оцепили место, приехал военный медицинский автомобиль, но правда в том, что помощь водителю грузовика не нужна, а водитель и пассажиры первого автомобиля погибли на месте. Смятый автомобиль и четыре тела под покрывалами на грязной дороге. Второй машине повезло больше. Водитель не пострадал, а трое пассажиров отделались мелкими ушибами. У грузовика отказали тормоза. Я иду мимо, поглядываю в сторону покрывал, которые уже успели пропитаться кровью. Народ вокруг обходит это место, сторониться аварии, машины сбрасывают скорость, начинают ехать осторожней. Иногда можно бежать от одной катастрофы к другой.

Поток людей вокруг меня редет. Военные постепенно подбирают беженцев и везут дальше. Никто не отказывается от этого, кроме меня. Хотя, я не отказываюсь, я предлагаю свое возможное место другим. Я не играю в благородство, но что-то меня останавливает. Пока я иду, я всегда могу оглянуться и увидеть огонь позади. Мне хочется его видеть? Я не скажу, что люблю огонь, но в этом огненном кольце что-то есть. Может быть и вправду, это дело высших сил, пославших нам испытание.

Похоже, я погорячился, когда решил, что людей стало меньше. Километрах в семи на север от моего теперешнего места есть еще один крупный город. Эвакуация там началась позже и только сейчас потоки жителей из него начали двигаться к пятидесятикилометровой отметке.

Машин на дороге стало больше, но кроме этого толпа людей двигалась в мою сторону. Кто-то шел по главной дороге, кто-то шел проселочными дорогами, но многие шли напрямик через поля. Зимний пейзаж: снег и множество темных силуэтов, бредущих по полю. Над ними гудят вертолеты. У следующего перекрестка пробка из бесконечно сигнализирующих машин. Они пытаются вклиниваться в потоки военных грузовиков и автомобилей беженцев, но сделать это не просто. А кроме этого на дорогах и обочинах стало больше брошенных машин, чьи владельцы не рассчитали правильно запас топлива. Хорошо, что на полях грунт замерз и по нему теперь можно идти. Сейчас тоже мороз, но я его не ощущаю. Сколько я уже иду? Сколько километров я прошел? Но я знаю, что идти еще очень много.

Вот еще одно село. Довольно большое. Здесь люди еще не успели собраться и к моему приходу эвакуация только началась. Я вошел в село в поисках магазина, но он оказался закрыт. Местные посоветовали мне еще один магазин, с другой стороны села, но там был настоящий ажиотаж – люди покупали все, что было на прилавках. Хоть не крали.

– Вы видели пожар? – ко мне обратился местный житель, догадавшийся, что я один из первых беженцев.

– Да, видел, – подтвердил я. – Только на пожар это не похоже.

– По телевизору показывают какое-то кольцо, – добавил еще один мужчина, постарше первого.

– Они там что-то взорвали? – вновь спросил меня первый.

– Там разбился самолет, – ответил я.

– Я думал врут, – сообщил первый.

– Я его сам видел, – добавил я.

– Ни черта к нам не дойдет, – снова встрял второй. – Нас пугают чтобы вывезти с нашей земли. Пожар-пожар. Чушь! Так ничто гореть не может.

– Я видел своими глазами, – ответил я. – Все, что говорят по телевизору – правда.

– Мне уже пятьдесят семь лет, и по телевизору за это время ни разу правды не сказали, – махнул рукой второй.

– Ну иногда бывает, – первый снова обратился ко мне: – Там на видео горело даже поле снега, а больше там гореть было нечему. Взрывная волна тоже так не движется. Вы ничего не знаете об этом?

– Я ничего не знаю, – я отступил. – Но, лучше уйти отсюда как можно дальше. Может быть и пятьдесят километров не предел.

Толпа шушукалась, а я отошел в сторону. Аккуратное село. Небольшие ухоженные домики. Сады. Можно на пенсии купить здесь домик и писать мемуары о том, как однажды мне приснилась огненная стена.

– Вы из первого города? – ко мне обратилась какая-то женщина.

– Да, – я кивнул, ощущая себя немного знаменитостью.

– Там всех эвакуировали? – к женщине подошел мужчина. Мне подумалось, что это ее муж.

– Боюсь, что нет, – я качнул головой. – Мало кто смог спастись из тех, кто был ближе всего к огню.

– Но огонь ведь пришел с востока? – переспросила женщина.

– Верно, – подтвердил я.

– Мой брат живет на севере, – сообщила мне женщина. – С ним с утра нет связи.

– Связь пропала почти сразу после взрыва, – ответил я. – Тогда огонь еще быстро двигался.

– А сейчас замедлился? – спросил мужчина.

– Может быть полтора или два километра в час, – подтвердил я. – Военные очень быстро начали эвакуацию, я думаю с ним все хорошо.

Я не был в этом уверен, но ведь не пугать же людей.

– Почему военные? – спросил мужчина. – Есть же МЧС, спасатели, гвардия наконец. При чем здесь военные?

– Их быстрее всех подняли по тревоге, – ответил я, но и в этом я не был уверен.

– Это из-за масштаба пожара, – решила женщина. – Подняли тех, кто был ближе всего к пожару. А вы сейчас куда идете?

– В Выровск, – ответил я. – Там у них должен быть штаб, а я кроме всего еще и журналист. Хочу поговорить с офицерами штаба.

– Хороша затея, да они будут отмалчиваться, – отмахнулся мужчина.

– Поедем в Выровск, может быть брат там? – спросила его женщина.

– Хорошо, – согласился мужчина и обратился ко мне: – Вас подвезти туда?

– Не нужно, возьмите лучше кого-то, кому трудней идти, – я отказался, ощущая тем не менее слабую боль в ногах.

– Тогда сейчас, – женщина скрылась в ближайшем доме.

– А люди что говорят? – спросил меня мужчина, и добавил: – А военные?

– Никто ничего не знает, – я покосился на поток людей вдали. – Военные выполняют приказ, офицеры ничего не комментируют, а люди просто идут от огня. Зона эвакуации радиусом пятьдесят километров, но многие пойдут дальше. Огонь идет даже полями, на которых кроме земли и снега ничего нет.

– Видимо где-то сильно облажались, наши ученые, – вздохнул мужчина.

– Я тоже так думаю, – я скрутил ладони и принялся на них дышать. – Что-то везли на самолете. Может быть новая бомба, или химия какая-то.

Мужчина кивнул, а из дома показалась женщина с ключами от автомобиля.

– Это наш старый пикап, – она протянула мне ключи. – Там бензина чуть-чуть, и он сам барахлит, но еще поедит.

– Я не могу взять, – отмахнулся я.

– Тогда его возьмет огонь, – пожал плечами мужчина. – Вам может быть он больше пригодиться. Проедете лишних двадцать километров на нем, если не заглохнет.

Я помедлил, затем взял ключи.

– Спасибо, – поблагодарил я.

– Он стоит под навесом, рядом с гаражом, – указала женщина. – Мы сейчас отъедем и можете забирать.

– Вы не закроете дом? – спросил я.

– Закрою только дом, – ответил мужчина. – Ворота оставлю открытыми.

Муж, жена и две дочери погрузились в свой новенький минивэн и отправились в сторону общего автомобильного потока. Я стоял, вертя в руках ключи. Подарок так неожиданно свалился мне на голову, но мои ноги были благодарны дарителям. Я летом прохожу приличные расстояния, но зимой отвыкаю от долгой ходьбы.

Старый пикап был двухместным. В кузове лежал какой-то хлам: картонные коробки, деревянные поддоны и брусья разного сечения. Я открыл кузов и все выбросил. Народу на улице становилось все меньше. В село приехали первые военные, которые начали давать инструкции местным жителям. Один из сельчан закрылся в своем доме и наотрез отказался уходить. Он грозил военным своим ружьем, но те продолжали упрашивать его. Наверняка таких случаев много, и это лишь первый, который я увидел. Пришли какие-то женщины и принались его уговаривать, а он посылал их и требовал оставить его одного.

Я облегчил автомобиль как мог, проверил масло, топливо и аккумулятор. Всего хватало на небольшую поездку. Может быть дотяну до Выровска. Хуже всего дело обстояло с топливом, но по опыту я уже знал, что заправки на главных трассах пустые и мне негде взять бензин. Искать заправки не было времени, и оставалось рассчитывать на то, что есть в наличии. Я завел

мотор, выехал со двора и неспешно поехал к выезду из села. Неизвестный мужчина продолжал отбиваться от военных. Они еще немного поговорят с ним, а потом оставят в своем доме. Интересно, можно ли переждать огонь? Например, забраться в подвал и надеяться, что воздуха в нем хватит, пока сверху бушует огонь. Наверняка кто-то уже успел попробовать так сделать. Жаль в моем городе нет метро, там наверняка можно было бы спастись.

Глава третья. Штаб

Теперь я еду в общем автомобильном потоке. Раньше шел в людском, теперь еду в автомобильном. Один раз подвез женщину с дочкой, от одного села, до другого. Женщина говорила практически весь путь. Похоже, разговорчивость у нее проявилась на нервной почве. Она рассказывала о том, что во втором селе ее ждет муж с сыном и другими родственниками, рассказывала, что вещей они почти не берут, делилась последними теориями происхождения огня и даже, пыталась шутить. Как на зло я оказался ее противоположностью – все время молчал. При этом я не хотел побыть наедине с собой и подумать о чем-то в тишине. Нет. Я весь путь наедине с собой и уже успел все передумать, что мог. Просто я не знал, что ей ответить. Я не верю в конспирологию и пришельцев, и уж тем более не верю в страшный суд. Мы сами себе и суд, и палач.

Когда мои пассажиры сошли на своей остановке, я даже облегченно вздохнул. Других желающих сесть ко мне в машину не было, но спустя пару сотен метров я подобрал еще одну семью. Муж с уже взрослым сыном разместились в кузове, а жена ехала в салоне, на единственном пассажирском кресле. Она была молчаливой, но все время поглядывала в заднее окно на своих близких. У них было немного вещей и клетка с котом. Кот ехал в салоне и почти весь путь с интересом разглядывал окружающий пейзаж. Он никогда не видел такого количества людей, разом оказавшихся не просто на улице, а на междугородних трассах. Я был солидарен с котом, ведь сам впервые вижу такую картину.

Я всегда вожу очень аккуратно, не превышаю скорость, держусь в рамках правил. У меня полно встреч, но если правильно рассчитать время, то не нужно никуда спешить. Сейчас, на загруженной дороге, я тащусь едва пятнадцать километров в час, а кто-то умудряется гонять. Еще один перекресток и еще одна авария. Я медленно объезжаю разбитый автомобиль. Второй лежит перевернутый на обочине. Я притормаживаю, открываю окно и слушаю разговоры вокруг. Парень угнал автомобиль и уходя от погони врезался в поток автомобилей. На сей раз погиб только вор. Еще двое получили легкие травмы, и медики уже забрали их. Я закрываю окно и еду дальше.

Мои пассажиры сошли у следующего села. Туда прибыли автобусы для эвакуации, и они смогли пересесть в более комфортный транспорт. Однако, мне стоило сесть вместе с ними. Мой пикап прожил еще пару километров, после чего в нем закончилось топливо. Просить немного бензина у других водителей нет смысла, им самим не хватает. Ближайшая заправка разграблена. Еще одна все еще целая, но лишь потому, что возле нее военные развернули небольшой координационный центр. Впрочем, бензина там тоже уже нет. Я скатил пикап на обочину и оставил его там, дожидаться огня. До Выровска меньше десяти километров, а до заката еще часа полтора. Я устал, хочу спать и есть, не хочу идти. Что мне остается? Не спать, не есть, но идти. Впрочем, я могу перекусить, но лучше терпеть до Выровска, чем расслабиться на подступах к нему. Потом будет сложнее вновь набрать темп.

Над нами постоянно пролетают вертолеты. Одни движутся в сторону огня, другие от него. Журналисты, военные и ученые осматривают поле боя с огнем. У одного беженца, который идет рядом со мной, громко работает радио. Сплошной поток новостей о том, что правительство непрерывно заседает, в столице собрался консультативный совет из представителей других стран, а военные вывозят людей тысячами. Никто не говорит о причинах пожара, или о способах его тушения. Несколько ученых дали интервью и объяснили, что такое огонь, как проходит реакция окисления и что снег не горит. Но наблюдения говорят, что снег именно горит, а не тает. Ученые не могут дать этому объяснения и требуют проведения разных опытов и наблюдений. Впрочем, в том, что я слышу по радио, не чувствуется суета. Наверняка в паре

сот километров отсюда нет никакой эвакуации, паники и люди просто смотрят очередное шоу по телевизору. Это где-то там, а не у них.

Выровск в три раза меньше, чем мой город. Он полностью окружен полями, здесь перерабатывают зерно, почти нет тяжелой промышленности, но на юге есть отличные сады. Город разрезают сразу три реки, но сейчас все они покрыты льдом. Я бы сказал, что это очень неудачное место для концентрации беженцев. Уже к обеду все свободные места под размещение людей были заняты, а к вечеру население Выровска увеличилось вдвое. К счастью здесь все еще исправно работает железная дорога, а правительство перенаправило для эвакуации поезда. Многих сразу сажают в вагоны, и они едут куда-то дальше, где их возможно встретят и приютят. Автомобилей в Выровске больше чем в столице. Грузовики военных, автобусы из моего города, немереное количество автомобилей. Многие решили переночевать именно здесь, но это почти невозможно. Выровск встречает меня огнями, звуками поездов, ревом армейских грузовиков. Мне даже кажется. Что в этом городе теплее чем среди полей. Обилие транспорта разогрело воздух. Впрочем, дышать здесь тяжело, по той же причине.

Я принялся искать место под ночлег. Первая школа на моем пути уже была закрыта для приема беженцев. Ночлег в ней обустроили где только могли: в актовом зале и спортзале, в классах и кабинетах. Парты сгребли в стороны и расставили раскладушки, разложили матрасы, нашли где-то старые кровати. Поваров из школьной столовой вызвали к вечеру в школу, готовить ужин для беглецов.

Следующая была больница, но и она была занята. Правда она принимала не всех беженцев, а только раненых и травмированных, но таких тоже было много. Толпы людей на улицах шатаются из стороны в сторону, в поисках ночлега. Много где местные горожане выходят на улицу и заывают беженцев к себе. Почти все делают это бесплатно, почти все.

Я почти час шатался улицами, успел съесть пару булочек из местной пекарни, но аппетит от этого стал только злее. Уже стемнело и стало резко холодать, когда я увидел здание театра. Конечно, в театре тоже размещали беженцев. Матрасы и раскладушки расставили ровными рядами в вестибюле и в самом концертном зале, прямо на сцене. Многие уже уснули прямо в креслах. На театральной площади военные поставили две полевые кухни и две большие палатки, обогреваемые печками. Это был мой шанс на ужин.

Солдаты готовили первое, второе и раздавали сухие пайки. Я не отказывался ни от первого, ни от второго, ни тем более от сухого пайка. Сладкое давали только детям, но в избытке был чай и печенье. Я выстоял очередь к полевой кухне и получил небольшой жестяной поднос с набором бумажных тарелок и стаканчиком. Даже вилка и ложка были картонными, но пользоваться ими было вполне возможно. А вот мест за столами совсем не было. Я покинул палатку и сел на лавочку, стоящую на театральной площади. На улице был мороз, но печь, обогревавшая палатку, была всего в двух метрах от меня, так что сидеть было тепло.

Пока длился ужин, я наблюдал за движением масс на улице. Через полквартала находился небольшой спортзал, куда как раз свезли гору матрасов. Где они их столько набрали? Закрома родины полнятся матрасами? Теперь уже точно не полнятся, ведь в спортзал они привезли очевидные отбросы матрасного производства. Матрасы были все рваные и в пятнах. Похоже, другие они попросту не успевают подвезти. Следом за матрасами приехали и автобусы с беженцами. Люди спешно выбирают из автобусов, заходят в здание, военные что-то им рассказывают. Там нет полевой кухни и многие идут сюда, на театральную площадь. К сожалению еда закончилась и теперь раздают только пайки. Люди жалуются и пытаются скандалить, но выбора у них нет.

Я закончил ужин и выбросил посуду в бак рядом с палатками. На улице слишком холодно чтобы изучать город, и я отправляюсь в театр. Впрочем, здесь успели занять почти все места. Людей очень много и от этого везде постоянный гул разговоров и детского плача. Последние места есть на сцене, и я отправляюсь туда.

Я никогда не был на сцене, и вот сейчас иду по ней, как главный герой странной пьесы, где все остальные актеры просто спят, развалившись на старых матрасах. Впрочем, здесь матрасы получше будут. Они хотя бы чистые. Я нахожу свободный матрас и сажусь на него. В зале жарко, отопление работает на полную. Я снял с себя куртку и свитер, но разуваться не стал. Одежд нет, и мне приходится укрыть ноги курткой, а верх свитером. Если будет жарко, то всегда можно раскрыться. Усталость берет свое, но сон все время где-то рядом, где-то поблизости, но никак не приходит. Свет в зале приглушенный, но полностью его не стали выключать. Надеюсь, за ночь огонь не успеет дойти до нас. Детский плач стих. Я смотрю на людей, измученных, все потерявших, но странно, сам я не ощущаю, что что-то потерял. Впору придаваться философским рассуждениям о том, имел ли я что-то? Было ли что-то по-настоящему мое? Оставим философию для других времен. Сейчас лучше придаться сну.

Мне снился гул приближающегося пожара. Мне кажется, что он у меня за спиной, что он вот-вот настигнет меня. Я ищу в себе силы бежать, но сил нет. Я ослаб и почему-то болит левое плечо. Вероятно, я где-то ушиб его. Гул все ближе и ближе, я пытаюсь идти, силюсь сделать шаг, но тело словно не мое, а гул все ближе и ближе, и я уже жду, что вот-вот меня накроют пепельные хлопья. Гул уже не где-то позади, он уже внутри меня – я часть гула. Затем я открываю глаза и вижу, что это гул людской массы, которая проснулась и теперь собирает вещи, чтобы покинуть свое ночное пристанище. Собственно, я ведь тоже часть этой массы.

Я поднялся, натянул свитер, стал слушать разговоры в надежде на какие-то новости. Здесь народ ничего не знает, но волонтеры, которые в уголке устроили раздачу чая и кофе, говорят, что огонь не остановился. Огонь движется со скоростью тридцать километров в сутки. Теперь понятно, как мне удалось от него оторваться, он не слишком быстрый.

Я накидываю куртку, беру у волонтеров стаканчик кофе и иду на улицу. Удивительно, но за ночь почти весь снег растаял. Я отчетливо помню кучи снега, когда ужинал возле полевой кухни. Спросонья я не могу понять, стало теплее на улице или нет, но снег мог растаять сугубо из-за техногенных причин: слишком много людей, слишком много машин, слишком много источников тепла. Конечно, я вижу на горизонте верхний край огненной стены и пепельное облако, но до них все равно еще далеко и жар от огня не может растопить снег в этом небольшом городке. Хотя опрометчиво решать, что может это чудовищное явление, а чего не может.

Итак, я знаю, что в городе кроме военных, которые всем заправляли вчера, появились и волонтеры. Идея записаться в волонтеры сразу пришла мне в голову, тем более мне все равно нечего делать. С другой стороны, мне нужен штаб, или где там разложились ученые.

Штаб разбили на окраине Выровска, на небольшой возвышенности, с которой казалось, что огонь немного ближе. Военные поставили несколько рядов палаток поменьше и один ряд больших палаток, пригодных под столовую или комнату для брифингов. Немного в стороне гудели дизельные генераторы, а вся территория по периметру охранялась. Впрочем, войти было без проблем, тем более на одной из первых палаток висела вывеска, призывающая к себе желающих вступить в ряды волонтеров. Желающих здесь хватало. Несколько десятков молодежи толпилось возле палатки, кто с примитивными бейджами, а кто еще без них. Я постоял рядом несколько минут, выяснил, что все они пришли помогать беженцам и военным, но толком ничего не знают, а затем отправился вглубь лагеря. Вот тут-то меня ждал военный патруль, который без того самого, примитивного бейджа, дальше никого не пускает. Пришлось ждать своей очереди возле волонтерской палатки.

Бейдж представлял собой картонку с именем, фамилией и печатью. Висел на самом примитивном шнурке. В общем сделали его из того, что попало под руку. Естественно фотографией и ламинацией никто не занимался. Осталось только повесить его на шею и повторить попытку пройти через патруль военных.

Попытка увенчалась частичным успехом. Вглубь лагеря меня пустили, но только для того, чтобы я разгружал какие-то ящики с грузовика. К счастью ко мне приставили еще двух человек: одного волонтера и одного военного.

В ящиках были продукты для сегодняшнего обеда. Мы разгрузили два грузовика, а затем перенесли ящики на кухню, где нас заставили их открывать и разлаживать содержимое для удобства поваров. Ну хоть готовить не заставили. Зато нам подкинули немного консервов для завтрака и еще напоили чаем. После чего мы втроем разместились за полевой кухней, на пустых ящиках, в ожидании следующего увлекательного задания.

– Вчера весь день возили беженцев, – рассказал военный. – Одно село, потом второе, затем заправка и снова по селам. Только вечером нас накормили и дали немного поспать. А сегодня в половину четвертого разбудили и давай оборудование расставлять.

– Какое? – спросил второй волонтер.

– Компьютеры, – ответил солдат и кивнул на большую палатку в дальнем конце лагеря. – Там у них что-то типа информационного центра.

– Ученые уже здесь? – спросил я.

– Еще ночью приехали, – ответил солдат. – Человек двадцать. По-моему, они даже спать не ложились.

Над нами пролетел военный беспилотник. Он держал небольшую высоту и курс на огненную стену.

– Вчера еще с вечера начали летать, – прокомментировал военный. – Пытаются снять ее с близка.

– Почему «пытаются»? – спросил я. – Вроде жар от огня не должен мешать.

– Через стену не могут перелететь, – ответил военный. – Там что-то происходит с техникой, и она выходит из строя.

– А тушить огонь не пробовали? – спросил волонтер.

Военный пожал плечами, а я ответил вместо него:

– Пробовали сбить огонь взрывами, но это оказалось бесполезно.

– Можно еще заряды разместить вокруг огненного кольца, – предположил военный. – Чем мощнее взрыв, тем больше шанс.

– Можно и ядерным ударить, – добавил волонтер.

– Эй, сюда! – крикнул старший офицер и помахал нам рукой.

Мы торопливо подошли к нему и получили новое задание. Теперь нам предстояло разгрузить грузовик с научным оборудованием.

Как оказалось, ящики с приборами намного тяжелее, чем ящики с продуктами. Втроем мы не справлялись и к нам на подмогу прислали еще двух военных. Вместе мы кряхтели, сипели и топтались в грязи, которая обнажилась, когда сошел снег. Нам удалось спустить один ящик, и с еще большим трудом второй. К этому моменту к нам подошел мужчина, лет за сорок и с большим лысым пятном на макушке. Одет он был в штатское, повадками на военного не походил, но все время просил нас быть осторожней.

– Когда мое привезут? – спросил он того самого офицера, который нашел нам эту работу.

– Пятнадцать минут, – уверенно ответил офицер.

В этот момент я понял, что через пятнадцать минут нас ждет еще один грузовик с тяжелыми ящиками.

– Отнесите это вон туда, – указал мужчина и исчез где-то между палаток.

Мы принялись спускать следующий ящик и в этот момент я услышал за спиной знакомый голос:

– Осторожней, там дорогое оборудование.

Я оглянулся, увидел за своей спиной Марину, замер на какое-то мгновение, а затем поприветствовал ее:

– Здравствуйте девушка.
– Саша? – озадаченно переспросила она.

Мы поставили ящик на землю, и я повернулся к ней лицом.

– Не ожидала тебя здесь встретить, – устало произнесла девушка.

– Ну, выбора у меня было немного, – я улыбнулся. – Остаться на милость огня или бежать.

Больше всего беженцев пришло именно сюда.

– Прости я не сразу сообразила. Ты теперь беженец, – она вздохнула. – Сочувствую тебе.

– Странно, но я сам себе не сочувствую. Может быть я еще не понял всего происходящего, – я внимательно рассматривал ее лицо.

Марина выглядела крайне усталой, волосы растрепаны, под глазами синева. Она сжимала в руках горсть тонких пластиковых папок, а на плече висела тяжелая, как для нее, сумка.

– Ты приехала ночью? – спросил я.

– Меня привезли ночью, – она нехотя улыбнулась. – Теперь вот жду, когда приедут образцы пепла и прочего. Нужно проводить анализы.

– Вы знаете, что произошло? – быстро спросил я.

– Мы как раз будем это выяснять, – она ответила и кивнула на ящик.

– Времени у вас не очень много. Когда огонь будет здесь?

– Ночью, скорей всего, а может быть поздним вечером. Мы успеем многое выяснить к тому времени и переехать отсюда, – она сильнее прижала к себе стопку папок.

– Значит пятью десятками километров круг не ограничится? – догадался я.

– Может быть, – она уклонилась от ответа и снова посмотрела на ящики. – Мои образцы еще не приехали, но, когда они приедут эти приборы уже должны быть в моей палатке и настроены.

– Да, конечно, сейчас мы все сделаем.

Марина удалилась, а мы впятером принялись с большим энтузиазмом таскать тяжеленные ящики. Впрочем, энтузиазм испытывал я один, ведь теперь я хоть кого-то знаю в этом лагере.

С Мариной мы познакомились еще во времена учебы в университете. Учились мы в разных ВУЗах, она изучала химию, а я дизайн и проектирование. Когда я учился на четвертом курсе, у нас в городе появились курсы журналистики, которые проводило крупное столичное издание. Я записался на курсы из любопытства, а Марину туда затянула подруга. Так мы и познакомились. Для меня те курсы определили будущее, ведь про дизайн я забыл, как только получил диплом бакалавра, и сразу после этого нашел работу в местной газете. Диплом окончания журналистских курсов мне в этом сильно помог. Марина не нашла себя в журналистике и после окончания ВУЗа нашла работу в столице, в одном из научных центров. Но до этого мы успели немного подружиться, немного повстречаться, а затем снова немного подружиться. Ее переезд закрыл возможность дальнейших отношений, но откровенно говоря мы оба такой возможности не видели. Пусть это банально, но мы слишком разные люди. Я легко увлекаюсь новой идеей, еду в дальнюю командировку, готов к вызовам и задачам, и еще я крайне любопытен. Марина всегда спокойна и может часами сидеть над какой-то научной работой, не имея никакого желания куда-то ехать. Сейчас ей должно быть трудней чем мне. Резкий темп изучения огненной аномалии не для нее.

Мы разгрузили грузовик, перенесли ящики в ее палатку, расставили столы и оборудование на них. Помогли все это подключить к электрической сети лагеря, и только после этого отправились разгружать второй грузовик. Лысый мужчина был недоволен таким темпом работ, но рук на все не хватало, а потому он терпеливо ждал, пока мы закончим. К счастью его ящики оказались легче, чем оборудование Марины.

В это утро мы успели сделать очень многое. Мы расставили приборы для химических и физических опытов, мы перенесли кучу ящиков с самым разным содержимым и кроме этого, мы успели прогуляться по городу. Впрочем, под «мы» я подразумеваю разный состав людей.

Военные лагерь не покидали, а когда нас, волонтеров, отпустили передохнуть, то Вадим, так звали второго волонтера, предложил мне прогуляться по городу и посмотреть, как там обстоят дела.

Вадим был местным, студентом, а еще он был не очень разговорчивым парнем. Мне все время казалось, что он находится в перманентном стрессе из-за происходящего, и для него волонтерство – это способ снять стресс. В городе он время от времени рассказывал, что это за площадь, что за улица и кому памятник. Еще он посоветовал где лучше пообедать, а сам отправился к себе домой, собрать вещи на случай дальнейшей эвакуации.

Впрочем, дальнейшая эвакуации не была делом случая. Она уже началась. В Выровске беженцам дали отдохнуть, поесть, переночевать и посетить врача, если в этом была необходимость. Теперь людей увозили дальше, в сторону столицы, или к морю. Теперь везли и самих жителей Выровска. Я шел улицами и наблюдал все ту же картину, что и вчера. Люди собирали вещи, грузились в автомобили, автобусы и грузовики, и ехали дальше. Только спешки не было. Эвакуация была поставлена на поток. Даже вертолеты и самолеты регулярно садились и взлетали в местном аэропорту, увозя людей прочь, от все еще их жилья. И как безмолвное напоминание причины бегства, на горизонте оставалась огненная стена. Теперь она уже отчетливо виднелась, поднимаясь на высоту сотен метров. Кажется, кто-то говорил в лагере, что она растет вверх, и теперь ее высота составляет пять сотен метров. Чудовищное сооружение. Кто же тебя построил такую?

Надомной пролетел еще один беспилотник, но на этот раз я не понял, куда именно он летит. Казалось он двигался не к огню, и не от него, а куда-то в другую сторону. Я подумал, что он облетает аэропорт по большой дуге, чтобы не мешать гражданским самолетам. Вероятней всего я прав.

Я еще немного походил по городу, но как назло все места общепита, о которых мне рассказал Вадим, были или заняты, или уже закрыты. Одни кафе усердно зарабатывали на толпах беженцев, другие уже успели свернуть работу и теперь их персонал где-то среди людских потоков. А волонтеры раздают все бесплатно, хотя это не убавляет желающих заплатить деньги за более профессиональную еду. Не всех устраивает полевая кухня. Ладно, меня полевая кухня устраивает, а тем более в лагере скоро обед и там уж точно будут свободные места. Я поспешил обратно в лагерь.

В лагере было две кухни, но готовили в них одинаково. Одна кухня обслуживала офицерский состав и ученых, другая рядовой состав и волонтеров. При этом палаток для приема пищи было тоже две, однако никто не запрещал волонтерам или рядовым обедать вместе с офицерами. Тем более места в палатке для рядовых быстро закончились, и я успешно занял место через один стол от Марины.

Девушка была бледной, уставшей и молчаливо ковыряла вилкой в своей тарелке. Другие ученые о чем-то живо беседовали. Офицеры ели молча, и лишь несколько из них громко обсуждали маршруты эвакуаций. Из разговора я понял, что удалось привлечь к эвакуации военных из дружественных стран. Огненное кольцо еще такое маленькое, а нам уже приходится просить помощь у соседей.

Я быстро закончил с обедом, оставив только чай и печенье, и, набравшись всей наглости, на которую мог, пересел за стол к ученым. Место выбрал рядом с Мариной. Девушка посмотрела на меня, затем снова посмотрела в тарелку.

– Ты чего не ешь? – спросил я.

– Не хочется мне, – тихо ответила девушка.

– Уверен, тебе еще не скоро доведется отдохнуть, – решил я. – Нужно набираться сил, когда есть возможность.

– Я знаю, – она тихонько поковыряла вилкой в тарелке и наколола кусочек.

– Так лучше, – одобрительно ответил я, и добавил: – Чем еще я могу помочь?

Марина пожала плечами и ответила:

– У меня для тебя работы нет.

– Твой друг? – лысый мужчина, который все это время сидел напротив девушки, обратился к Марине.

– Старый друг, – кивнула Марина, немного оживившись.

– Меня зовут Андрей Данилов, – лысый мужчина протянул мне руку.

– Саша Решетник, – я пожал руку.

– Вы кажется волонтер, – припомнил Данилов.

– Да, – я кивнул, ожидая интересных предложений.

– Нам предстоит большая программа исследований аномалии, – сообщил ученый, – и нам не хватает добровольцев. Военные неохотно дают людей, ведь у них самих дефицит, а волонтерам мы всего не можем доверять. Часто для проведения опытов нужны специфические знания или как минимум способность быстро учиться.

– Что нужно делать? – с интересом спросил я.

– Сейчас нам нужно как можно больше образцов для исследований, – Данилов сделал жест руками, словно показывал что-то большое. – Нам нужен пепел, продукты горения, устанавливая датчики, делать замеры. Мы здесь только аналитический центр, но нам нужны люди в поле.

– Я готов, – решительно ответил я.

Это было то, чего я ждал. Таскать ящики не для меня. А вот Марина посмотрела на меня и тихо вздохнула.

– У нас уже есть несколько добровольцев, но работы слишком много, – продолжал Данилов. – А еще, кто-то должен поехать по ту сторону огня и собрать анализы там.

– Не выдумывай, – резко ответила девушка. – Мы еще не знаем, пригоден ли там воздух и не оценили риски.

– У нас дефицит не только в добровольцах, но и во времени, – ответил ей Данилов.

– Туда нельзя отправлять людей, – настаивала Марина. – Мы же решили, что первыми пойдут роботы.

– Роботов еще нужно построить, – напомнил ей Данилов.

– Слишком опасно, – качала головой девушка.

– То есть, кто-то должен поехать туда, через огонь? – удивленно переспросил я.

– Конечно не через огонь, – ответил Андрей. – По нашим подсчетам пламя не проникает глубоко в грунт, а значит можно переждать прохода огня под землей. Кроме того, есть старый заброшенный туннель под холмами, недалеко отсюда. Мы рассчитали, что можно въехать в него, когда огонь пройдет его дальний конец, выехать из туннеля по ту сторону огня, собрать образцы и вернуться через туннель еще до того, как огонь пройдет его ближний конец.

– Если там будет чем дышать, – добавила девушка. – И, если там не будет токсинов.

– Костюм биозащиты, – предложил кто-то из ученых.

– И, если оборудование будет работать, а двигатель не заглохнет, – напомнила Марина. – Беспилотники все глохнут и падают.

– У нас столько «если», что пора бы начать выяснять как обстоят дела на самом деле, – ответил Данилов.

Я посмотрел на девушку. Она сидела мрачной, смотрела перед собой и скрестила руки на груди.

– Мы теряем время, – добавил Андрей.

– Я поеду, – решил я, неожиданно даже для себя.

– Саша нет! – девушка встрепенулась и схватила меня за руку.

Она смотрела на меня испуганным взглядом. Никогда раньше она так не смотрела на меня.

– Но он же прав, – добавил я. – Времени нет, а вам нужно знать, откуда взялся огонь.

– Мы и без жертв это узнаем, – резко ответила Марина.

– Разве жертв еще нет? – спросил я.

Она отвернулась, встала из-за стола и вышла из палатки. Я перевел взгляд на Данилова.

– Она все принимает близко к сердцу, – вздохнул ученый. – Мы уже несколько раз работали в совместных группах, и она всегда была против риска для добровольцев.

– Риск риском, но оттуда хоть можно вернуться? – спросил я.

– Если бы мы считали, что оттуда нельзя вернуться, то мы бы не посылали туда человека, – ответил Данилов. – Нам очень нужно, чтобы доброволец вернулся, иначе мы не получим образцы.

– Тогда готовьте транспорт, – решительно ответил я и встал из-за стола.

Я вышел из палатки, повернул головой, но девушку не нашел. В ее лаборатории было пусто. В штабной палатке ее не было. Я обошел лагерь по кругу и нашел Марину, сидящую на пустых ящиках в дальнем конце лагеря.

– Где же дух исследователя? – спросил я, приближаясь к девушке.

– Дух исследователя – это то, что у тебя. – она терла ладони рук друг о друга чтобы согреть их.

– Ты боишься за меня? – я сел рядом.

– Конечно, – она кивнула. – Ты даже не представляешь, с чем имеешь дело.

– А ты?

– Я знаю немного, – она отвернулась. – И не все могу тебе рассказать.

– О! У тебя есть тайны, связанные с этим огнем? – удивился я.

– Не с этим, – она пристально посмотрела на меня.

– Ах да, – меня словно током ударило. – Как же я мог забыть. Дмитровск.

Она молчала, а я спросил ее:

– Огненная стена как-то связана с тем факелом над лесом?

– У них есть что-то общее, – уклончиво ответила Марина.

– И ты знаешь, что везли в самолете? – быстро спросил я.

– Возможно, – Марина пнула ногой одинокий ком снега. – Только не спрашивай ничего.

Я знаю очень мало, но и того не могу рассказать. Например, мы не знаем откуда взялось это чертово огненное кольцо.

– Может быть это поможет, – я достал из кармана флешку.

– Что это такое? – Марина посмотрела на флешку, затем на меня.

– Я снял на видео падение самолета и его взрыв, – я с интересом наблюдал за реакцией девушки.

Марина даже рот открыла от изумления, затем вскочила, схватила флешку и понеслась к палаткам, только крикнув мне:

– Иди за мной!

Глава четвертая. По ту сторону огня

Мы собрались вокруг большого монитора, на который транслировалось видео с флэш-карты. Микрофон камеры едва захватывал звук, но изображение было четким и крупным. Самолет сваливался вниз, кренился, пытался вернуться на курс, но в итоге направился к земле. Я видел это вчера утром, своими глазами, но ощущение было таким, словно это было давно. Так много событий прошло с того момента, что я уже стал забывать, с чего все началось. В момент взрыва Данилов поставил видео на паузу. Все прильнули к экрану и принялись покадрово разглядывать видео. Я с большим интересом смотрел на ученых, чем на экран монитора. Данилов был напряжен, ученые, которых я не знал, пристально разглядывали стоп-кадры. Марина скрестила руки на груди и мрачно смотрела на экран.

– Реагент был стабилен, пока не отключилось охлаждение, – решил один из ученых. – Отключение охлаждения совпало со взрывом керосина, а это в свою очередь вызвало кольцевой коллапс.

– Ничего подобного нельзя было предсказать, – добавил Данилов. – Мы слишком рано свернули исследования.

– Стоило повременить, подготовить физическую модель, только потом приступать к полигонным испытаниям, – подметил один из присутствовавших ученых. – Мы едва-едва успели понять природу возникновения вспышек, а о кольцевом коллапсе и говорить нечего.

– Что такое реагент? – спросил я.

– Это вещество, которое перевозили в самолете, – ответил Данилов. – Мы уже имели с ним дело, но наш проект свернули.

– Что-то полезное есть на видео? – поинтересовался я.

– Нужно будет взять покадрово и смоделировать процесс, – ответил ученый. – Возможно мы что-то вытащим из этой съемки.

– Прекрасно, – резюмировал я и посмотрел на Марину.

Она оторвала взгляд от монитора и посмотрела на меня.

– Что скажешь? – спросил я девушку.

– Ничего, – она покачала головой. – Для меня здесь нет данных. Возможно Андрей что-то найдет.

– А что на счет реагента? – спросил я Марину, но ответил мне Данилов.

– Реагентом мы занимались несколько лет, но недавно нашу программу закрыли и передали военным.

– Делать бомбу? – я нахмурился.

– Возможно, – Данилов пожал плечами. – Нас не посвящали.

– Да, во время вспышек выделялась некоторое количество энергии, – подтвердил другой ученый. – Военные хотели точно знать сколько, и можно ли использовать реагент в качестве оружия.

– А что на счет самого реагента, это взрывчатка? – уточнил я.

– Нет, это вещество другого рода, – Данилов потер подбородок, посмотрел на одного из своих коллег, затем на меня. – Я потом расскажу тебе.

В палатку вошел офицер в чине полковника и резким, громким голосом спросил:

– Кто здесь доброволец?

– Смотря для чего? – я перевел взгляд на гостя.

– Для поездки через туннель, – уточнил полковник.

Вот стою я, посреди военной палатки, вокруг малознакомые мне люди, одну только Марину я знаю давно. А еще здесь военные и этот полковник, как потом я узнал, его фамилия Кальпа. Стою и думаю, о том, что вчера утром моя жизнь изменилась кардинально. Моего дома

больше нет, моего города больше нет, я безработный беженец, у которого есть сумка с документами и парой вещей. А теперь я должен ехать через трубу в земле по ту сторону огня. Фраза «выйти из зоны комфорта» наполняется новыми смыслами и красками. Да хоть бы краски были радужными, но нет, сплошь серые тона. Серый цвет пепла, который беспрерывно сыплет из облака над огненной стеной. Я ищу в себе мотивацию не отказаться от глупой затеи, меня ведь никто не осудит, если я откажусь. Страх заложен в нас природой. Марина, так вообще обрадуется, что не отправила меня на верную погибель. Но будь поездка настолько опасной, то отправлять человека не имеет смысла. Я перевожу взгляд на Марину. Ей не хватает материала для анализа. Действительно, доброволец в первую очередь едет для того, чтобы у химика было что исследовать. Марина смотрит на меня, пауза затягивается, и я отвечаю:

– Я доброволец.

– Прекрасно, – Кальпа манит меня жестом руки. – Автомобиль готов.

Автомобиль готов, но не здесь. К нему нужно еще доехать, и мы грузимся в два армейских грузовика. Ко входу в туннель едет группа военных, сам полковник и несколько ученых. Едет и Марина, но села она в другой грузовик. Компанию мне составляет Данилов, который пытается объяснить мне суть реагента:

– Нас тогда пригласили в рабочую группу изучать это вещество: реагент. Нам никто так и не сказал, откуда он взялся. Мы предполагали, что это может быть проектом другой научной группы, которая по каким-то причинам не завершила работу, а может быть природным образованием, которое случайно обнаружили. Были и безумные теории, что это результат работы ученых в другом измерении, вроде бы они там что-то делают у себя, а у нас возникает побочное явление в виде реагента.

– Откуда такая идея? – спросил я.

– Все просто, – продолжал ученый. – Есть два базовых реагента. Первый называется – X, второй – Y. У нас с фантазией не очень, потому названия такие банальные. X-реагент может нарушать структуру пространства, а Y структуру и ход времени. Отсюда идеи о параллельных вселенных.

– Что значит нарушает пространство? – заинтересовался я.

– Например разрывает его, сжимает или растягивает, – ответил ученый. – Это может быть полезно при перемещениях на большие расстояния, или при перемещении в параллельную вселенную. Реагенты – это что-то вроде топлива для звездолета, или машины времени.

– Но вы не знаете откуда он взялся? – уточнил я.

– Нет, только предположения. Версия о природном происхождении самая ненадежная, – ответил Данилов. – В общем, мы даже синтезировать реагент толком не умеем, зато смогли объединить оба вещества в один Z-реагент. Он должен обладать свойствами обоих реагентов, но при этом он крайне нестабилен. Необходимо беспрерывное охлаждение массы.

– Иначе он взорвется? – спросил я.

– Нет, здесь имеет место другой эффект, – Данилов вновь потер подбородок. – Сам по себе реагент безвреден, не токсичен, не горит и не взрывается. Нестабильность связана с тем, что он может самопроизвольно разорвать пространство и время, или изменить его, а вот уже это вызывает самые разные эффекты, порой опасные.

– Какие?

– В фильмах, обычно, если кто-то перемещается из одной параллельной реальности в другую, то это просто портал, в который ты делаешь шаг и вот ты уже в другом мире. Но на самом деле это так не работает. Измерения могут быть совершенно разными, и отличаться может все. Например, состав воздуха и материалы почв, излучение светил и магнитные поля. Миры могут быть настолько другими, что просто не совместимы с нашим. Даже не просто не совместимы, а агрессивны друг по отношению к другу. Мы столкнулись с этим во время изучения реагента. В точке, где возникал разрыв пространства, и где наш мир соприкасался с

другим, проявлялись самые невероятные эффекты. Бывало быстрое понижение температуры, образование тумана, конденсация жидкостей или быстрое воспламенение.

– То есть, в Дмитровске огненный факел возник из-за того, что вы соединили наш мир с каким-то другим? – уточнил я.

– А откуда ты об этом знаешь? – удивился ученый.

Похоже Марина не рассказывала ему о нашей встрече возле Дмитровска.

– Я там был прошлым летом, – ответил я, – и видел огненный факел. Марина знает.

– Хм, – теперь Данилов потер лысину. – Да, ты прав. Тогда на стыке миров возникла бурная химическая реакция. Вероятно, наш воздух, смешиваясь с их воздухом, становится похожим на гремучий газ и самовоспламеняется.

– Никто хоть не погиб? – поинтересовался я.

– Нет, мы принимаем меры предосторожности, – в этот момент грузовик подбросило на кочке и ученый схватился за поручень.

– А что там с кольцом огня? – я продолжил расспрос.

– В самолете был Z-реагент, – Данилов поморщил лоб. – Он всегда должен охлаждаться, иначе начинает бурно реагировать. Больше мы ничего о нем не знаем, так как нам не дали провести достаточно опытов над ним. Ну и конечно растущее кольцо огня. Мы не знаем, как этот реагент вызвал эту катастрофу. Может быть они еще что-то с ним делали, может быть мы плохо понимаем физику пространства и то, как оно взаимодействует с реагентом...

Грузовик резко затормозил. Несколько военных, которые были вместе с нами в кузове, выпрыгнули из него и разложили лестницу.

– Ликбез закончен, – сообщил Данилов.

Я вылез следом за ученым. Почти все покинули грузовики и столпились вокруг автомобиля, приготовленного для меня. Одна Марина стояла в стороне и смотрела на огонь. Огненная стена была в восемнадцати километрах от нас, но казалось, что до нее рукой подать.

Недостроенная дорога уходила в туннель, который шел с небольшим наклоном вниз, а затем выравнивался и дальше выходил рядом с небольшим городком. Сверху были холмы, несколько рек и заповедный парк. Когда здесь строили дорогу, то решили, что туннель в мягкой породе будет сделать проще, чем срывать холмы или строить петляющую дорогу с несколькими мостами. Причина, по которой туннель не ввели в эксплуатацию осталась для меня неизвестной, но поговаривали, что экологи запретили строить достаточное количество вентиляционных шахт, а принудительная вентиляция сильно удорожала проект. При этом сам туннель достроили и теперь мне предстояло проехать его. Куда я попаду на той стороне?

– Подойдите сюда, – меня позвал молодой лейтенант, стоящий возле автомобиля.

Собственно, это был армейский внедорожник, с которого сняли часть кузова, оставив только силовую раму. Такой себе багги. За водителем были баллоны, антенны, датчики и вообще вид у автомобиля был устрашающий. Рядом с автомобилем была передвижная армейская мастерская, вероятно они оборудовали внедорожник прямо здесь, перед туннелем.

– Это кислородные баллоны, – сообщил мне лейтенант. – Их хватит на восемь часов. Еще есть два комплекта портативных баллонов. Это еще полтора часа времени. Топлива с избытком хватит на путь туда и назад. Вот вам карта.

Он протянул мне карту. Путь туда и назад был несколько длинней, чем я изначально думал. Я озадаченно спросил:

– Туда – это куда?

Лейтенант указал мне точку на карте и сообщил:

– Вы вернетесь к самолету и заберете из него черный ящик.

– Обязательно выяснять причину падения? – спросил я.

– Это не связано с причиной падения, – ответил офицер. – В транспортном отсеке самолета находится контейнер с реагентом. В контейнере есть свой черный ящик, который записы-

вал состояние реагента при транспортировке и в момент взрыва. Ящик должен был уцелеть, и он нам нужен. Вот схема извлечения ящика, – он протянул мне лист бумаги со схемой. – Инструменты здесь.

Лейтенант указал на ящик, закрепленный на раме внедорожника.

– Что еще? – я спрятал карту и схему в карман.

– В багажнике несколько пустых контейнеров, – офицер указал на них. – Наберете в них пепел и различные обгорелые предметы, вроде дерева, пластмассы, металла и бетона. Еще вот фотокамера, – он протянул мне дешевую цифровую фотокамеру и добавил: – Делайте как можно больше снимков.

Я спрятал фотокамеру в карман, после чего он подвел меня к водительскому месту и указал на приборы, установленные на месте переднего пассажира.

– Здесь газоанализатор, он сообщит вам о качестве воздуха. Он уже работает и зеленый цвет индикатора говорит нам, что воздух здесь пригоден для дыхания. Если спустя две минуты после выезда из туннеля он сменит цвет на красный, значит дышать можно только воздухом из баллонов. Если индикатор останется зеленым, значит можно дышать без маски. Это управление датчиками, оно тоже уже включено и не требует никакого вмешательства. Не трогайте здесь ничего.

Лейтенант каждый раз указывал нужный датчик и индикатор. К счастью многих действий от меня не требовалось, и я легко запомнил его инструкции. Главная инструкция – ничего не трогать, оно само все сделает.

– У вас есть около двадцати безопасных часов, прежде чем огонь дойдет сюда, – напомнил Кальпа, который все это время стоял за спиной лейтенанта, – но лучше поспешить. В полночь мы снова ударим по стене.

– Снова бомбами? – переспросил Данилов. – Огонь такого масштаба это не собьет.

– Мы применим ядерное оружие, – ответил офицер.

По группе ученых прокатился шепоток. Я замер, бросая взгляды то на военных, то на ученых.

– Ядерный удар? – переспросил я.

– Эсминец с крылатыми ракетами уже занял свою позицию, – добавил Кальпа. – Не беспокойтесь, взрыв произойдет не здесь, но вам лучше покинуть огненное кольцо до удара.

Я сел в автомобиль и еще раз посмотрел на ученых. Экран сенсорного дисплея, справа от руля, свидетельствовал о работе измеряющей аппаратуры. «Главное ничего не трогать», – повторял я в уме.

Лейтенант надел мне на лицо маску для дыхания и включил подачу кислорода. Голова на мгновение поплыла, но я быстро привык к воздуху из баллонов. Руль я сжал покрепче.

– А почему без костюма химической защиты? – спросил я через маску.

– По нашим подсчетам там безопасно, – ответил кто-то из ученых, – но, если почувствуете жжение или зуд – немедленно возвращайтесь. Здесь будут вас ждать.

– Понял, – я показал большой палец.

Всегда есть выбор, всегда можно отказаться. Я оглядел присутствующих, Марины не видно, Данилов смотрит на меня с тревогой. Кальпа ждет, когда я уже поеду. Не буду его разочаровывать.

Я завел двигатель и включил фары. В туннеле нет света. Медленно я надавил на педаль газа и внедорожник двинулся в черную пасть туннеля. В зеркале заднего вида я видел отдаляющуюся толпу, затем светлое пятно въезда в туннель, затем яркую точку. Но возможности на нее смотреть у меня не было.

А не было потому, что туннель во времена его опустения облюбовали бездомные, которые стаскивали сюда всякий хлам. Ехать прямо было попросту невозможно. Мне постоянно приходилось объезжать какие-то препятствия: ящики, коробки, остатки автомобилей, с кото-

рых здесь скручивали запчасти. Большую скорость развить не удалось, несмотря на практически прямую дорогу. Местами я едва тащился. Под колесами постоянно трещали картонные коробки и старые тряпки. Я побаивался, что тряпка наматается на колесо или вал, и мне придется вылезать из внедорожника. Хотя, эти опасения оказались напрасны.

По моим прикидкам я проехал более семнадцати километров, и уже должен был видеть вдали точку выезда. Но точки выезда я не видел, а видел кое-что другое. Несколько старых тряпок и коробок висели под потолком. Я даже остановил автомобиль и включил передний прожектор, чтобы лучше разглядеть аномалию. Все бы ничего, может быть бездомные как-то закрепили на потолке эти тряпки, но чуть раньше мне почудилось какое-то движение в этом месте. Я внимательно смотрел, ожидая какого-то действия, и оно случилось. Картонная коробка, свалилась с потолка на дорогу, а еще спустя полминуты остатки деревянного ящика взмыли вверх и прилипли к потолку. Коробка была дальше тряпок, ящик ближе. Еще несколько секунд и тряпки упали. Я навел прожектор на дорогу. Канистра и пара колесных дисков лежала между мной и деревянным ящиком. Они следующие? Да, сначала взметнулась вверх канистра, затем и колесные диски. Сверху было что-то, что меняло направление притяжения. Похоже, это четкий индикатор того, что как раз в этом месте идет огненная стена. Я оглянулся. Мне нужно как-то проехать это место, чтобы не влететь в потолок. Лучше всего это сделать с разбега. Я отъехал немного назад и утопил педаль газа. Двигатель не ожидал такого подвоха, сильно заревел, но после секундной паузы бодро рванул вперед. Я вжался в кресло и вцепился в руль. Прямо впереди в воздух взлетели еще тряпки, и пустые бутылки. Они ударились о потолок и разлетелись на осколки, но ни один осколок не упал вниз. Мой автомобиль подпрыгнул, на мгновение я почувствовал словно меня перевернули вверх ногами, но до потолка мы не долетели. Пару метров в воздухе и внедорожник снова потянуло к земле, а я вновь ощутил изменение направления гравитации.

Машина коснулась земли и устремилась вперед, ведь педаль газа я так и не отпустил. Впереди показалось белое пятно выезда, но именно пятно, а не четкий полукруг. От перепадов гравитации вестибулярный аппарат сошел с ума и мне начало казаться, что низ уже не внизу, а справа, потом низ перебрался вперед, а затем налево. Голова закружилась и меня замутило. Кислород в баллонах показался мне каким-то неестественным. Захотелось нормального воздуха.

Белое пятно приближалось, затем яркий белый свет заполнил все вокруг. Я догадался, что выехал из туннеля, но голова так кружилась, что ориентироваться в пространстве было практически невозможно. Я отпустил педаль газа, скорость упала, а еще спустя пару секунд я резко остановился. Похоже я во что-то врезался. Я перевел взгляд на анализатор газа. Прибор, и его зеленый индикатор, плавали передо мной. Я вытянул руку, но не смог достать до прибора. Две минуты уже прошли? Сколько мне нужно ждать?

Я не выдержал и стащил маску. Сделал глубокий вдох, затем еще один. Воздух суховат, но кажется чистым. Хочется дышать им снова и снова. Я попытался выйти из машины, но зацепился за шланг подачи кислорода и повалился на землю. Что-то мягкое словно обволокло меня, и я потерял сознание.

В первую секунду мне показалось, что я лежу дома, в своей постели. Мне было мягко и тепло. Дышать было легко, вот только привкус во рту был странным. Я открыл глаза. Я лежу в куче пепла. Но голова уже не кружится.

Я поднялся на ноги и осмотрелся кругом. Мой внедорожник стоит, уткнувшись в остов грузовика. Сам я весь в пепле. Огненная стена в километре от меня и одинокие снежинки пепла все еще долетают до меня. С этой стороны она кажется бледноватой, но не менее величественной. Я вспоминаю про газоанализатор и бросаюсь к автомобилю. Индикатор зеленый, значит я не зря снял маску. Допускаю, что кислород излишне пьянил меня, особенно в паре с переменами гравитационного поля. Ученым будет над чем поломать голову.

Итак, я пробрался в неизведанный мир постапокалипсиса. Что я вижу вокруг себя? Сплошное пожарище. Остовы автомобилей, черные коробки зданий, обугленные пеньки на месте деревьев. Стекло оплавилось и превратилось в мутноватые лужи под оконными проемами. Остатки решеток и мелкой проволоки тоже оплавилась. Все засыпано густым слоем серого пепла. Вокруг черно-серый пейзаж. Не радостный совсем. Моя синяя куртка вносит разнообразие в окружающую действительность, но и она успела испачкаться в сером пепле. Воздух действительно чистый. Похоже огонь полностью стерилизовал его. А еще огонь нагрел воздух. С той стороны туннеля было не выше нуля градусов, а здесь больше пятнадцати. Я расстегнул куртку. Близость к огню греет воздух, или в этом сером мире теплее, чем в нашем радужном мире?

Я обошел вокруг автомобиля и осмотрел его. Передняя рама поцарапана, на этом повреждении закончились. Не знаю, как подвеска пережила приземление, но надеюсь ее хватит на путь к самолету. Может снять лишний балласт перед отправкой в путь? Я осмотрел кислородное оборудование, но не нашел способа его быстро снять. Хорошо, посмотрим, что еще здесь есть.

Переносные баллоны я решил оставить, затем проверил крепление инструментов, а потом крепление ящиков для образцов. Ящики тяжеловаты, и я их открыл. В них лежат образцы.

Пепел, обгоревшие щепки, куски бетона и железа, осколки расплавленного стекла, грунт. Я отпрянул. Они были пустыми перед моим заездом в туннель. Захотелось взять в руки что-то потяжелее. Я здесь не один? Но откуда этот кто-то мог знать, что мне нужно? В ящике для инструментов я нашел молоток, и обошел вокруг машины.

– Кто здесь?! – громко крикнул я.

Ответа не последовало. Может быть я сам успел все это сделать пока лежал без сознания? Я еще раз посмотрел на огненную стену. Она недалеко успела уйти. Я посмотрел на часы. Без сознания я пролежал не более пятнадцати минут, даже меньше.

Что еще я успел сделать, пока лежал без сознания? Я вновь принялся осматривать автомобиль и тут заметил то, что упустил при первом осмотре. На водительском сиденье лежал тот самый черный ящик, за которым я должен был ехать к самолету. Я взял его в руки и повертел. Молот из другой руки я не выпускал. Вот этого я бы точно не успел сделать, как не пытайся. Я здесь не один.

В этот момент оборудование просигналило окончание анализа и перешло в режим ожидания. Меня здесь больше ничего не держит. Я спрятал молоток обратно в ящик для инструментов, спрятал черный ящик в коробку для образцов и решил напоследок сделать несколько фото. Хоть это я могу сделать сам.

Нет не могу. Память камеры заполнена на сто процентов. Фотокамера все время лежала в кармане. Черт, да как же так. Я принялся быстро просматривать фото. Их множество. Из самых разных мест. Кругом пепел и разрушение, но места я пока не могу узнать. Я спрятал камеру обратно в карман.

Вокруг меня мир пепла и сажки. Пепельный мир. Как разительно отличаются миры по обе стороны от огненной стены. Пепел мягкий, едва скользкий. Идти по нему мягко, и лишь изредка что-то хрустит под ногами. Мелкий мусор, или чьи-то кости? Нет, здесь людей успели эвакуировать. Я стою рядом с автомобилем и ловлю себя на мысли, что не хочу покидать эту загадочную реальность. Здесь есть свои тайны.

Но нужно ехать, и я занимаю место за рулем автомобиля. Завелся он легко, и я лишь немного сдал назад, чтобы развернуться и направить внедорожник обратно в туннель. На этот раз я заранее разгоняюсь, и машина лишь немного взлетает вверх, когда над нами оказывается огненная стена. Перепады гравитации вновь бьют по моему вестибулярному аппарату, но на

этот раз я легче переношу переход и головокружение проходит быстрее. Тогда все дело было в кислородных баллонах, я уверен.

На обратном пути я не тороплюсь. Мусор с дороги никуда не делся, а главное, что у меня есть запас по времени. Интересно, кто меня ждет? Военные, это само собой, а может быть и кто-то из ученых. Я везу образцы для химиков, возможно Марина все еще там. Может хоть немного придам ей оптимизма.

Я выезжаю из туннеля. Солнечный свет слепит мне глаза и первые секунды приходится жмуриться. Здесь действительно военные и несколько ученых. Марина сидит в кузове грузовика, но при виде общего оживления выходит наружу. Сразу все бросаются ко мне, а я выхожу из внедорожника и слегка шатаюсь. Вестибулярный аппарат еще не до конца пришел в норму. А еще только сейчас я осознаю, насколько я грязный.

– Что произошло? Почему так быстро? – спрашивает кто-то из ученых.

Данилова среди них нет, но Марина пробирается ко мне и вытирает пепел с лица. Она думает, что я ранен.

– Я потерял сознание, как только приехал туда, – ответил я.

Затем я вкратце рассказываю о гравитационной аномалии, и о головокружении от кислорода. И о том, что все образцы уже были в машине, когда я очнулся. Они озадачены. Некоторые открывают контейнеры и быстро забирают черный ящик. Марина спрашивает меня:

– Ты никого не видел?

Я отвечаю:

– Нет, но очевидно, что черный ящик забрал не я.

– Снято по инструкции, – сообщает ученый, держа в руке черный ящик.

Марина подходит к приборам и что-то набирает на сенсорном дисплее. Все данные получены. Затем она смотрит в ящики с образцами.

– Вам нужен врач? – спрашивает меня один из военных.

– Таблетка для головы мне нужна, – отвечаю я.

Голова действительно болит. Таблетку и воду мне протягивают спустя минуту. Столько внимания герою. Марина одобительно кивает перекладывает образцы в другие коробки. Теперь у нее есть работа.

– Да и еще, – я чуть не забыл, – вот вам еще одна загадка.

Я достаю фотокамеру и протягиваю ее одному из ученых. Они смотрят на меня и осторожно берут камеру.

– Отснял для вас весь пепельный мир, пока лежал без сознания, – острою я.

На меня смотрят как на идиота, но на снимки они смотрят совершенно другими глазами.

Пока я искал приключений и открывал новые миры, лагерь успел переехать. Теперь он расположился на окраине небольшого городка, на территории аэропорта. Сам аэропорт был закрыт на реконструкцию еще в прошлом году, и до сего момента не начал работу. Зато теперь мы смогли занять несколько ангаров, где разместили все научное оборудование. Пока огненное кольцо растет, нам все время придется от него убегать. Беженцев уже не везут на пятьдесят или сто километров. Уже есть договоренности с другими странами о приеме беженцев, и их сразу отправляют за границу. Хотя пока не всех. Ну и в относительной безопасности остается столица и часть промышленности на берегу. Будет ли существовать наше государство после огненного нашествия? А остальные государства?

Нас всех привезли в новый лагерь в одном грузовике, так что Марина сидела рядом, но всю дорогу молчала и обнимала свои коробки с образцами. Напротив меня сидел ученый, который весь путь смотрел фотографии на фотокамере. Я с интересом наблюдал за его выражением лица, ведь он видит то, чего еще не видел я. Бедный парень был совсем бледным и время от времени чуть не подпрыгивал на месте. Что же я такое наснимал? Когда грузовик остановился, то он первым покинул кузов и побежал в ангар. Остальные неспешно спустились по лесенке и

разбрелись кто куда. Марина с образцами в лабораторию, остальные по своим делам. Я зверски хотел есть, но еще больше я хотел душ. Как выяснилось здесь было два армейских грузовика, один с передвижной прачечной, второй с душевыми. Я сдал вещи в стирку, а сам отправился мыться.

После душа мне выдали военную форму без знаков различия. Моя одежда будет готова к утру. В таком виде я явился в главный ангар, где как раз разглядывали мои фотографии.

– Саша, ты это видел? – ко мне подскочил Данилов и указал на большой монитор.

Фото было сделано с крыши небоскреба и перед нами открывался вид полностью уничтоженного огнем города. Некоторые здания успели обрушиться, другие накренились.

– Не узнаю свой город, – пробормотал я.

Естественно, мой город был единственным большим городом, полностью уничтоженным огнем. Даже до Выровска пламя еще не дошло.

– Нет, это столица! – выпалил Андрей.

Я скосил на него взгляд. Фото на экране сменилось. Центральная площадь столицы. Затем еще одно фото. Центральный аэропорт. Остатки самолетов и руины терминалов.

Я снова посмотрел на Данилова и спросил:

– Этому есть объяснение?

– Нет, – он покачал головой. – Если мы не остановим огонь, то на фотографиях запечатлено будущее.

– Я в будущее не ходил, – пробормотал я. – Реагент же как-то влияет на время?

– Да, он может влиять на время, но только замедлять его или ускорять, – ответил Данилов. – Нам не удалось переместиться во времени.

– Кому-то удалось, – ответил я.

На фотографиях было еще много чего. Мы все разглядывали их, и даже Марина присоединилась к нам. Понять, какое место изображено на фото, было затруднительно. Кругом было однообразие пепла и разрушенных строений, но иногда в кадр попадали знакомые ориентиры, и кто-то из присутствовавших узнавал место на снимке. Узнать удалось не все. Мы сидели до позднего вечера, и разошлись только тогда, когда все снимки были рассмотрены.

– Ты еще не ел? – ко мне подошла Марина.

– Я совсем забыл о еде, – признался я. – Как твои успехи?

– Загрузила все в оборудование, – ответила девушка, садясь рядом со мной. – Завтра будут точные результаты по химическим процессам во время горения.

– Я помог?

– Более чем, – призналась она. – Давай ты пойдешь на кухню и что-то поешь?

– Заботливая, – я поднялся со стула.

– Ты у нас теперь местный герой, – она улыбнулась.

– Почему местный? – удивился я. – Я хочу быть всенародным.

– Пусть так, – она встала со стула и добавила: – На кухню я схожу вместе с тобой. Я сегодня вообще, не ела еще.

Кухня была в одном из ангаров. Мы шли к нему молча, но на половине пути у меня возник вопрос:

– Почему так потеплело? Мы вроде не слишком сильно переехали на юг.

– Везде теплеет, – ответила девушка. – Метеорологи считают, что огонь греет верхние слои атмосферы и тепловой баланс меняется.

– Хм. В пепельном мире тепло.

– Ты его так называешь? – Марина с интересом посмотрела на меня.

– Нужно же придумать название. Там кроме пепла ничего нет.

– Там может быть еще много чего, – задумчиво ответила девушка и посмотрела на часы: – Скоро ракету запустят.

– Ядерную? Я бы посмотрел на взрыв, – заинтересовался я.
– Можно посмотреть, – Марина указала на диспетчерскую вышку. – Оттуда будет видно зарево.

– Давай скорей, – поторопил я ее. – Возьмем еду и поднимемся на вышку.

Мы так и сделали. Подносы мы взяли с собой, поднялись на вышку и сели просто на диспетчерские пульта. Благо они были отключены.

– Романтическое свидание, – пробормотал я, открывая бутылку с соком.

– Слишком романтическое, – девушка помещивала горячую кашу в тарелке.

Полевая кухня не слишком разнообразна.

– Мы однажды ужинали на крыше, – припомнил я.

– То был ресторан, и сейчас мы не на крыше, – напомнила Марина. – Там был большой балкон.

– И нужно было, чтобы именно в тот день за соседним столиком парень делал девушке предложение, – вспомнил я.

– Там часто делают предложения, – добавила Марина и поправила себя: – Делали. Но от тебя я тогда предложения не ждала.

– Не на пятом же свидании. Я конечно бываю импульсивен, но не на столько.

Она улыбнулась и спросила:

– Ты же поехал туда не из-за меня?

– Не знаю, – я задумался. – Кто-то должен был поехать.

– Это не ответ. Что тебя мотивировало?

– То, что вы столько времени имели дело с реагентом и все равно ни черта не знаете об огне. Приходится рисковать другим.

– Да, ты прав, – нахмурилась девушка. – Смелчаки всегда исправляют ошибки ученых. Иногда ценой своей жизни.

– Там безопасно, – сообщил я. – Дышать можно, зуда или жжения нет. Только пепел кругом лезет и его отвратный привкус остается во рту.

– Больше так не делай, – резко сказала Марина.

– Как? – я удивился.

– Не рискуй из-за меня.

– Я бы не зарекался...

В этот момент за горизонтом вспыхнула яркая вспышка, а спустя секунду в небо над горизонтом поднялся едва заметный огненный шарик. Следом за ним по горизонту прокатилась волна странного света, словно стена в какой-то момент стала гореть ярче, а затем снова потускнела.

– До нас не дойдет? – спросил я, имея ввиду взрывную волну.

– Нет, слишком далеко, но что-то действительно изменилось, – ответила Марина.

– Свечение? – уточнил я.

– Да, – девушка кивнула. – Ешь быстрее и пойдем смотреть результаты взрыва.

Глава пятая. Обитаемый мир

Я видел ядерные взрывы только на видео. Про сами ядерные взрывы я почти ничего не знаю, в отличие от ученых, которые окружают меня в этот вечер в палатке. Физики и химики прекрасно осведомлены о процессах, протекающих внутри атомного ядра в момент взрыва, вот только на их лицах я вижу черты смятения.

Во-первых, взрыв был слабее чем прогнозировалось. Мы должны были увидеть яркий огненный шар над горизонтом, а вместо этого был блеклый шарик, который продержался всего несколько секунд. Во-вторых, брешь в огненной стене оказалась в длину не больше диаметра шара, хотя ударная волна должна была сбить огонь на многие километры. В-третьих, всплески радиации, которые обычно сопровождают сие зрелище, и вовсе отсутствовали. Чего уж тут говорить, если, в-четвертых: огонь сомкнулся через двадцать секунд.

А теперь самое главное, в-пятых: по огненной стене, от взрыва, пробежала волна яркого света и в этот же момент огонь сделал рывок вперед. То есть огненное кольцо резко выросло, прибавив в диаметре несколько километров.

Ученые разводили руками. Данилов выдвинул предположение, что огонь вобрал в себя часть энергии ядерного взрыва, используя ее для ускорения. Как это было возможно он не уточнил, но большинство согласно закивали. Но делали они это не от разумности доводов физика, а потому что своих идей у них не было. Ни у кого не было идей. Марина посидела немного со всеми, подперев рукой подбородок, и вышла. Военные отправились консультироваться с командованием. Кто-то из ученых принялся анализировать данные с датчиков.

Я тихо вышел из палатки и огляделся. Девушки нигде нет. Вероятно, она отправилась предаваться мрачным мыслям наедине. Пойду придумаю сну.

Сегодня предпоследний день февраля. То есть, формально еще зима. Теплеет в наших краях ближе к середине марта, а в конце марта все еще может выпасть снег, хоть это и редкость. Но в феврале снег лежит почти всегда. Почти всегда и почти весь февраль. Огненная стена греет воздух вокруг себя, топит не только снег, но и металлические конструкции, однако ее тепло можно ощущать на расстоянии в сотню метров. На расстоянии в десятки метров можно ощущать жар, но при этом он еще не обжигает. Климатолог мне как-то рассказал, что огонь греет воздух, отчего средняя температура подогрывается на несколько градусов, но тоже не очень далеко от огня. Максимум несколько десятков километров. Итого, потепление вблизи огненной стены есть, но оно не значительно. Так объясните же мне, почему в лагере, который находится в добрых пятидесяти километрах от огненного кольца, наступила настоящая весна? Мало того, что температура ночью была не ниже восьми градусов тепла, так еще и утром, когда я вышел из палатки, она уже перевалила за четырнадцать градусов. Зимняя куртка мне больше не нужна, да и обувь нужно сменить.

За завтраком я поднял эту тему, но климатологи только развели руками. Потепление наблюдается вокруг огненного кольца на расстоянии в сотню километров, и более того, чем больше становится огненное кольцо, тем дальше от огня начинает теплеть. Кажется, огонь сломал не только наш мир, но и наш климат. Это при том, что внутри огненного кольца температура колеблется в пределах семнадцать-восемнадцать градусов. Во всяком случае там, где был я.

После завтрака все разошлись по своим делам, и один только я остался без дела. Я здесь своего рода достопримечательность – первый человек, побывавший в пепельном мире.

За утро у меня дважды взяли интервью. Оказалось, журналисты как-то узнали о моей миссии, хотя изначально она была секретна. Вопросы были глупыми, они плохо понимали, что нужно спрашивать и уповали на то, что я сам дам им нужную информацию. Конечно, я бы мог им многое рассказать, но где-то внутри моего мозга сидела заноза, которая предпочитала

скрытничать и утаивать. Простите, коллеги по цеху, но быть может, действительно сейчас не все можно говорить. Хотя никаких бумажек я не подписывал и понятия не имею о том, что может быть секретным. Ну, кроме реагента, конечно.

Часам к десяти пришло распоряжение журналистов не пускать и от меня отстали. Я снова стал никому не нужным, а потому нашел пристанище в главной палатке лагеря. Здесь происходило кое-что интересное.

С утра в распоряжение ученых поступили переоборудованные военные беспилотники. Их запустили из военной базы в сотне километров от нас, а затем передавали управление нам. Вместо ракет дроны несли камеры, датчики и детекторы, а вместо бомб зонды для сброса.

Я отыскал на кухне автомат с кофе, налил себе большой стакан и устроился в углу палатки на свободном стуле. На нескольких больших экранах можно было наблюдать за картинками из камер дрона и за данными датчиков. Датчики сообщали о вещах совсем мне не понятных, а вот картинки с камер были интересны. Попивая кофе, я наблюдал как дрон приближается к колоссальному огненному валу, дугой тянущемуся до самого горизонта. Дрон летел немного выше и можно было наблюдать как позади огненной стены остаются сплошные пепельно-серые поля. Огонь возвышался на добрый километр, хотя по заверению ученых он почти перестал расти в высоту.

– Высота тысяча двести, дистанция тысяча пятьсот, – сообщил пилот дрона. – Набор высоты.

Дрон начал подниматься еще выше, чтобы жар огня как можно меньше вредил беспилотнику.

– Тысяча пятьсот, сближение, – сообщил пилот.

Огненная стена медленно проплывала под дроном и можно было во всех подробностях разглядеть серое облако над ней, из которого бесконечно шел пепел.

– Сигнал слабеет, – предупредил пилот.

– Зайди вглубь на километр, – попросил Данилов.

Пилот направил дрон к небольшому селу, чтобы мы могли лучше разглядеть последствия огня.

Находясь по ту сторону огня, я мало разглядывал окружающую действительность, а потому сейчас с большим интересом наблюдал пепельный мир на большом экране. Черные коробки домов, некоторые без крыш, остовы автомобилей, обуглившиеся пеньки на месте деревьев. Все покрыто ровным слоем пепла. Строения повыше покосились, или вовсе обрушились. Кирпичная водонапорная башня продолжала возвышаться над селом, но серостью своей не могла выделиться из общего унылого пейзажа.

– Сброс, – сообщил пилот.

От дрона отделился небольшой металлический цилиндр, пролетел вниз сотню метров, после чего над ним раскрылся купол небольшого парашюта.

– Включаю ретранслятор, – добавил пилот.

Дрон играл роль не только разведчика, но и ретранслятора для радиосигналов. Огонь не пропускал никакие радиоволны, а значит связь с пепельным миром была возможна только через ретрансляторы на дронах, или через спутники. Кстати, картинка со спутников у нас тоже была, но по каким-то причинам не удавалось добиться необходимой четкости. Спутниковые снимки выходили замыленными.

– Пошли данные, – сообщил кто-то из ученых.

На его мониторе появились данные с датчиков зонда.

Я отпил кофе и обвел взглядом присутствовавших здесь ученых. Они изрядно оживились. Только сейчас я заметил Марину, сидевшую возле противоположной стены и склонившуюся над ноутбуком. Она внимательно смотрела на колонки цифр и иногда делала записи на планшете.

– Сигнал тридцать процентов, – предупредил пилот. – Быстрое снижение сигнала.
– Еще пять минут, – Данилов подошел к пилоту и склонился над его монитором. – Поднимись повыше.

Пилот начал набирать высоту. С ростом высоты сигнал стал крепче, но на трех километрах он снова начал слабеть

– Похоже сильные электромагнитные поля излучает не только стена, но и что-то внутри пепельного мира, – предположил один из коллег Данилова.

– Двадцать процентов, – сообщил пилот. – нужно уходить или потеряем дрон.

– Еще минута, – попросил физик.

Оператор услышал просьбу, но совладать с дроном уже не мог. После двадцати процентов сигнал резко упал до нуля, связь с зондом прервалась, а сам дрон развернуло в воздухе и он, без управления, пошел по длинной дуге вглубь пепельного мира.

– Чуть-чуть не успели, – послышалось в палатке.

– Давай еще один, – попросил Данилов. – Нам нужно получить данные, хотя бы на сегодня.

Пилот принялся выводить еще один дрон на взлетную полосу, а в палатке воцарилась тишина. Я решил нарушить тишину своим вопросом:

– Разве дроны не могут летать автономно, без управления? По программе?

– Могут конечно, – ответил Данилов, – но не над огнем. Спутниковая навигация там не работает, а инерциальная система дает колоссальные погрешности, буквально в километры. Мы сделаем их автономными только тогда, когда поймем почему это происходит.

Я понимающе кивнул и снова отпил кофе.

Пока дрон летел к стене я успел пройтись по лагерю и помог разгрузить новоприбывший грузовик с формой. В этом деле у меня был свой корыстный интерес, ведь нам привезли весеннюю форму. После разгрузки я рассчитывал получить более легкую обувь, однако для начала мне пришлось перетащить с десятков ящиков в ангар с припасами, а уже там мне выдали новенькие ботинки и легкую куртку. От всего остального я отказался, дабы уж совсем не походить на военного.

Когда я вернулся в палатку дрон уже прошел стену и теперь кружил над местом падения первого беспилотника. Сигнал был слабым, а картинка с камеры шумной, но все равно можно было разглядеть беспилотник, зарытый носом в пепел. Крылья у него оторвало при падении, хвост надломился, но очертания стальной птицы хорошо угадывались на сером фоне.

– Связи с зондом нет, – покачал головой пилот. – Сбрасываю второй.

Еще один парашют начал свой медленный спуск над пепельным миром. Забавно, но наши дроны и зонды – это единственное движение, которое есть по ту сторону огня.

– Здесь стоит более мощный передатчик, – сообщил пилот. – У нас есть небольшой запас по времени.

– Огонь рано или поздно заглушит всю связь, – ответил кто-то из ученых. – Слишком мощные поля он генерирует.

В этот момент у Данилова зазвонил сотовый и он несколько секунд слушал чей-то голос в трубке. Затем ученый спрятал телефон и сообщил всем присутствующим:

– К вечеру у нас будет робот в пепельном мире.

Не скажу, что все встретили эту новость ликованием, но народ заметно оживился. Сегодня вечером один из дронов сбросит в пепельный мир гусеничного робота, который будет по меньшей мере двое суток передавать нам данные о радиополях по ту сторону от огненной стены. Так ученые планируют собрать данные о помехах и научиться их преодолевать. Для ретрансляции сигнала будут использовать сразу несколько дронов, а сам робот будет постоянно ехать следом за стеной.

Тем времени второй зонд все же успел собрать необходимые данные. Данилов предложил немного понаблюдать за стеной с ее обратной стороны, но, когда дрон опустился ниже полутора километров, связь с ним прервалась. Пепельный мир упорно не хотел открывать нам свои тайны.

– Хорошо, – Данилов устало потер затылок, – будем работать с тем, что у нас уже есть.

Он обвел взглядом палатку и вышел из нее. Кое-кто последовал за ним. На экранах осталось изображение от камер наблюдения за огнем, которые были установлены в паре километров от стены. Я снова оказался предоставлен самому себе. Журналистов ко мне не пускали, и даже более того, другие ученые меня игнорировали, в том числе и Марина. Хотя ее можно понять, у нее сейчас очень много работы.

А теперь о работе. Небольшой робот-сапер оборудовали портативным дизельным генератором, увеличенным баком и мощным передатчиком. Я не говорю уже о раскладных антеннах для считывания радиоволн. В таком виде робот прикрепили к стратегическому высотному беспилотнику и оборудовали мощной парашютной системой. Работу всех систем дрона проверили трижды. Антенны и передатчики способны работать даже при сильном радиоподавлении. Военные поделились своими технологиями. Главная проблема была в другом: робот собрали один и обращаться с ним следовало со всей осторожностью.

До вечера я любовался красотами огненной стены на экранах мониторов, и заревом на горизонте. Нам уже сообщили, что лагерь перенесут в другое место. Мы все время бежим от огня. Мы не боремся с ним, не предпринимаем никаких попыток. Идей нет. Мы все время отступаем под натиском стихии. Телевиденье у нас только спутниковое, но мне удалось посмотреть несколько репортажей с места эвакуации. Людей массово вывозят. Возле столицы и других крупных городов разбиты огромные лагеря для беженцев. Сами города переполнены людьми, на улицах хаос и пробки. Количество несчастных случаев при эвакуации зашкаливает, все происходит впопыхах. Военные пытаются ловить мародеров, но их слишком много, преступность растет. Мне надоедает смотреть эту жуть, и я покидаю палатку. На улице тепло и все еще светло. Над моей головой огромная стая птиц летит прочь от огня. Вдали трасса с бесконечными грузовиками, автобусами, автомобилями. Все смешалось и уже невозможно понять, военные там или гражданские. Над нами кружит чей-то маленький дрон. Наверняка журналисты наблюдают за нашим лагерем.

Я нашел самое укромное место в лагере, сел на пустой ящик и снял легкую куртку. Температура растет каждые сутки, и я с опаской поглядываю на зарево, опасаясь, что огонь сделает еще один рывок к нам. Снег под ногами растаял уже давно, осталась только грязь, да и она местами подсохла. Мне здесь не уютно, но другого дома у меня теперь нет. Я бросил взгляд на палатки ученых. Они постоянно снуют туда-сюда, что-то делают, работают с оборудованием. А ведь у многих из них тоже больше нет дома. Огонь лишил нас пути назад, теперь или мы его победим, или он нас. Пока мяч на его стороне.

Вечером все вернулись в главную палатку, а с ними и я. Там меня ждали новости. Во-первых, связь с зондами полностью утрачена. Во-вторых, робот уже в пути. Это было куда интересней, чем простые железные болванки на парашютах.

Дрон с роботом прошел над стеной и взял путь на небольшую пустошь, за только-что сожженным поселком. Все затаили дыхание. На экранах были данные нескольких камер, включая тепловизоры дрона. В тишине помещения один только оператор дрона как-то двигался и издавал звуки, тихо повторяя какие-то цифры с экрана. Я не вслушивался, но догадывался, что речь идет о скорости и высоте.

Самое удивительное в том, что в пепельном мире нет ветра. Казалось бы, воздух должен двигаться в сторону огня снизу, и от огня сверху, но вместо этого там был полный штиль. Дрон быстро приблизился к расчетной точке и сбросил груз. На экране мы увидели сразу три купола

парашютов и робот начал свой медленный спуск. Дрон круто развернулся и начал кружить над местом сброса. Данилов переглянулся с коллегами.

– Принимаю управление, – сообщил нам оператор робота.

Он сидел рядом с пилотом дрона и теперь на его мониторах побежали цифры, а затем появились изображения с камер. Воздух вокруг нас словно сгустился от напряженности. Дрон коснулся земли, и оператор резко включил передний ход. Маленькая машинка сделала рывок вперед, проехала десяток метров и остановилась. Парашюты упали позади робота, после чего оператор нажал несколько кнопок и стропы отцепились.

– Ура! – прокатилось по палатке.

– Вот сюда давай, – Данилов подскочил к оператору и указал направление движения.

Робот повиновался и направился к остаткам дома на окраине поселка. Темнело быстро, но огненная стена ушла не слишком далеко и ее свет был все еще ярким.

– Мир, населенный роботами, – сострил один из присутствующих.

Остроумное утверждение, которые раньше подходило только Марсу. Теперь и на нашей Земле есть такой мир.

Людей в палатке стало меньше. У всех была своя работа, а наблюдать за роботом должны были только руководители научной группы. Я разжился протеиновыми батончиками, устроился на раскладном стуле в углу и наблюдал за главным экраном, на котором робот делал срез деревянной балки. Огонь не успел проникнуть глубоко в дерево, как он не успевал проникнуть глубоко в камень, бетон, железо и грунт. Примерно пятнадцать сантиметров бетона уже надежно защищали от огня, что уж там говорить о сорока сантиметрах грунта. Ниже этой отметки все еще существовала жизнь.

Несколько часов первый дрон кружил над роботом, потом его сменил другой дрон. Пилота и оператора тоже сменили другие люди. Данилова было некому сменить, а потому он пил четвертую чашку кофе за вечер. Марины поначалу не было с ними, но ближе к полуночи она пришла, улыбнулась мне и устроилась со своим ноутбуком поближе к оператору. Вместе они искали следы воздействия огня на некоторые отделочные материалы. Видимо девушка хотела отыскать что-то достаточно огнеупорное против нашей кары небесной.

Тем временем дрон-ретранслятор не только связывал нас с маленьким роботом, но и продолжал съемку местности при помощи своей тепловизионной камеры. Вблизи огненной стены все было раскаленным, но уже через сотню метров температура сильно падала, а через две сотни метров сравнивалась с привычными семнадцатью градусами. Пепельный мир остывал очень быстро, и только отдельные металлические конструкции продолжали долго излучать тепло. Вот только эти конструкции всегда были неподвижны. Я внимательней посмотрел на экран. Картинка с тепловизора была очень четкой, фон был обычным. Несколько пустых зданий, груда мусора, какая-то конструкция лежит, а рядом теплое пятно. Камера скользнула в сторону, я перевел взгляд на другие экраны. Знаете, это чувство, когда нужно срочно привлечь общее внимание к чему-то. Только ты один заметил что-то важное, но есть доля нерешительности, а вдруг это какая-то глупость и ты зря отвлечешь других от важной работы.

– Можно вернуть камеру назад? – спросил я.

– Какую? – оператор оглянулся и посмотрел на меня.

Да все оглянулись и посмотрели на меня.

– Дрон только что снимал какое-то место, и мне там показалось...

Я сделал вид, что еще не готов утверждать, что же мне там показалось. Вид получился убедительным, и пилот дрона начал вращать камерой. В темноте картинка менялась не слишком сильно, а потому он взял более общий план.

– И что мы ищем? – спросил Данилов.

– Источник тепла, – уверенно ответил я.

– Может свинец расплавился, – пробормотал пилот. – Вот здесь?

Он указал на разогретую огнем автоцистерну.

– Нет, там пятно было поменьше, – ответил я.

Мне стало неловко, я захотел отмахнуться и сказать, что мне, наверно, показалось, но ведь мне не показалось. Я встал со стула и подошел к пилоту. Марина с оператором были заняты своими делами, но и они отвлеклись от них, и теперь на мне сошлось полтора десятка пар глаз. Не уютное ощущение.

На экране мелькнуло тепло. Я хотел встрепенуться, но это было другое место, и теплое пятно было другим. Затем камера дрона повернулась еще немного, и я узнал металлическую конструкцию.

– Вот здесь был источник тепла, – уверенно указал я пальцем. – Точно видел что-то яркое.

– Это упавший дрон, – сообщил пилот. – Он здесь с утра лежит.

Черт! Дрон мог загореться от падения и его пламя ввело меня в заблуждение.

– Наверно он еще горел, – вздохнул я.

– Он вообще не горел, – поправил меня пилот. – Просто упал и развалился от удара.

– Рядом было что-то теплое, – напомнил я.

Пилот пожал плечами и повернул камеру, затем сделал общий план места, но ничего теплого поблизости уже не было.

– Стоп, – теперь Данилов подошел к пилоту и указал на монитор. – Вот здесь минуту назад был источник тепла. Я видел его, когда ты искал упавший дрон.

– Все видели, – добавил кто-то позади нас.

Пилот выполнил разворот и включил функцию поиска источников тепла. Программа сама указывала нам на теплые точки, но все они оставались неподвижны. Минуту дрон шел по дуге мимо упавшего беспилотника, затем выровнял курс и продолжил поиск в другом направлении. Наконец впереди замелькал яркий объект.

– Вот! – дернулся Данилов. – Ближе!

Общий план сменился крупным. Мы все отчетливо видели человеческую фигурку, быстро убегающую вдоль улицы.

– Черт возьми, – ученый наклонился близко к монитору, – почему он убегает?! За ним!

– Не могу, – покачал головой пилот, – я и так слишком далеко от робота. Потеряем связь.

– А робот? – Данилов посмотрел на оператора.

– Я не догоню человека, – ответил оператор. – Могу подъехать к упавшему беспилотнику.

– Давай, – кивнул ученый.

Дрон еще несколько минут показывал нам фигурку человека, мелькавшую между зданий, но скоро она скрылась из виду. В свою очередь робот неторопливо ехал в сторону упавшего беспилотника, тщательно маневрируя между завалов мусора и остатков зданий.

– Мы предполагали, что люди там остались, – заговорил Данилов, – но до этого момента ни разу не встречали выживших. Пересидеть огонь можно в глубоком подвале, в метро, может еще где-то. Но почему он убегал от нас? Наоборот, он должен искать способ выйти к нам. Есть же сети метро по ним можно выйти, и еще есть трубопроводы.

– А это был человек? – спросил я.

– А кто еще? – удивился Данилов. – Похож на человека.

На экране появился кадр с камеры дрона, на котором отчетливо виден теплый силуэт.

– Определенно человек, – решил Данилов. – Это не инопланетное вторжение. А зачем ему дрон?

Кстати, робот как раз подъехал к остаткам дрона, и мы принялись их осматривать. Незнакомец умело снял крышку дрона, вывернул наружу часть проводки и какие-то узлы. Он что-то искал внутри дрона, но камера робота не могла проникнуть внутрь. Пришлось манипулятором срезать часть обшивки и только после этого заглядывать внутрь.

– Пропал резервный аккумулятор, – заметил пилот.

– И знал же, что искать, – добавил оператор робота. – Так просто никто не разберется во внутренностях беспилотника. А еще у него есть уцелевший инструмент.

Мы все замолчали. Я пялился на экран, остальные переглядывались. Напряжения не было, а только непонимание.

– Вот что, – Данилов отошел от пилота на середину палатки, потер лысину и решил: – завтра, по следам в пепле, мы найдем этого человека и попытаемся вступить в контакт.

– Если он будет не слишком далеко от огня, – напомнил пилот.

– Мы выстроим мост из дронов, для ретрансляции, – ответил ученый. – Так мы можем забраться вглубь на несколько десятков километров. Может на тридцать. Он не успеет так далеко уйти.

– Это сломает нам программу исследований, – возразила Марина.

– Сбросим ему припасы, – предложил кто-то из ученых.

– И средства связи с инструкцией, – добавил пилот.

– Можем попытаться вытащить его, – решил Данилов. – Это программе не мешает, может быть даже мы получим дополнительную информацию от того, кто длительное время прожил в пепельном мире.

И в этот момент половина экранов погасла. Пилот недоуменно потыкал какие-то кнопки и постучал по экрану. Оператор включил перезагрузку системы. Военный, который отвечал за работу ретрансляторов на дронах, взял трубку полевого телефона и сообщил о неполадке, ему ответили, он повернулся к нам и сказал:

– Дрон по нашу сторону огня потерял связь с дроном по ту сторону. Никакого сигнала, вообще.

– Как это никакого сигнала, – оператор робота запустил систему и принялся читать отчет о последних секундах связи.

– Может быть огонь стал излучать больше помех? – спросил еще один ученый.

На экран вывели данные о помехах. Огненная стена была спокойна, помехи минимальны.

– Наверно слишком далеко оказались в пепельном мире, – решил Данилов. – Робот потерял связь и перешел в режим ожидания. Завтра выстроим мост из дронов и продолжим работу.

Все стали покидать палатку. Я вышел следом за Мариной, нагнал девушку возле ее домика и спросил:

– Как тебе сегодняшние открытия?

– Сегодня мы узнали о пепельном мире больше, чем за все предыдущее время, – ответила Марина.

– И у тебя есть идеи? – поинтересовался я.

– Особо нет, – девушка пожала плечами. – Странно все это.

– Что именно? – заинтересовался я.

– Человек который убегал от нас. Там же тишина, только гул огненной стены, да грохот, если что-то падает. Но огонь был уже далеко и ничего не падало. Он точно слышал беспилотник и убегал от него.

– Может быть ему очень срочно нужен был аккумулятор? – предположил я.

– Знаешь, мы сегодня действительно многое узнали, но ведь и вопросов у нас появилось еще больше, – ответила Марина. – А если мы потеряли наше оборудование?

– Тогда постройте еще.

– Время уходит, – она опустила глаза и добавила: – У нас вообще нет времени.

Она зашла в свой домик. Я еще секунду стоял в нерешительности, потом зашагал к своему временному жилью.

Глава шестая. Сильные мира сего

Последний день зимы. Сейчас не високосный год, а значит на календаре двадцать восьмое февраля. И сегодня первый раз, на моей памяти, в этот день идет дождь. Ладно, я немного погорячился, дождем это назвать сложно, но тем не менее, эта морозящая мелочь усугубила окружающую грязь до такой степени, что вояк еще ночью заставили разбирать деревянные паллеты и делать из них мостки. Главная дорожка протянулась от обеденной палатки к научной. Еще несколько мостков тянулись к городку ученых и на выход из лагеря. Легкая армейская куртка была без капюшона, и я без особого удовольствия пробежал от своего фанерного домика в столовую, где разжился бутербродами и кофе. Мне не хотелось тратить время на завтрак, а поскорей вернуться в наш научный центр – там продолжали разворачиваться главные события. По пути мне встретился тот самый лейтенант, который инструктировал меня перед поездкой через туннель. Он пожелал мне удачи и подарил на память ту самую фотокамеру, которая была заполнена снимками пепельного мира. Теперь память фотокамеры пуста, а по мнению офицера я могу отснять еще что-то полезное. Камеру я спрятал в карман.

Итак, ночью поиск потерянного оборудования был попросту невозможен. В общих развалинах и грудях металлолома трудно было отыскать упавший дрон или робота. Утром над аэродромом погода была совсем не летная, дул сильный боковой ветер и поиск утраченного решили перенести на час, а потом еще на полтора часа. Только после этого ветер стих и в воздух подняли беспилотник. К огненной стене он прилетел быстрее, чем вчера, ведь сам огонь заметно приблизился к аэродрому. За стеной дрон отыскивал местность, где мы вчера потеряли оборудование, и пилот приступил к поискам. Искали часа два, но ничего не нашли. Вообще. Никаких следов. Я как раз вошел в палатку, в которой в полной тишине сидело пятнадцать человек с недоверием косившихся на большие мониторы.

– Как успехи? – спросил я, отпивая кофе.

Данилов вздохнул, перевел на меня взгляд, затем сосредоточил его на моей чашке кофе и ответил:

– Ничего там нет.

Затем он встал и вышел из палатки. Марина сидела в паре метров от меня, забравшись на стул с ногами, прижав их к себе и обхватив руками. Она посмотрела на меня и сказала:

– Мы не можем найти никаких следов дронов или робота.

– А старый дрон, в котором копался человек? – спросил я.

– Он исчез, – ответила девушка. – Нет вообще никаких следов, ни робота, ни дронов, ничего. Нет даже следов в пепле от гусениц или ног.

Я смотрел на нее с легким прищуром. Мой типичный журналистский взгляд, когда мне пытаются запудрить мозги. Но в одной комнате со мной профессиональные ученые решающие сложнейшую задачу. Они не пудрят мозги.

– Как исчезли? – спросил я, понимая насколько это глупый вопрос.

– Строго говоря пепельный мир выглядит так, словно там и не было никого, – ответил мне другой ученый, коллега Данилова. – Он очистился, обновился. Нам еще предстоит придумать подходящее название для этого.

– И у нас нет никаких мыслей об этом, – добавила девушка.

В палатку вернулся Данилов, с чашкой кофе в руках и сел обратно на свой стул. Он продолжал молчать.

– А раньше такое происходило? – спросил я.

Данилов обернулся, посмотрел на меня и произнес:

– Мы раньше не обращали на это внимание. Может и происходило, – он поставил чашку на стол перед собой и потер подбородок. – Мы никак не сможем наладить длительное наблюдение за пепельным миром, если наше оборудование будет иногда пропадать.

Все это время пилот продолжал кружить над поселком, в котором вчера происходили главные события. Никаких следов нашей техники, только черные здания да серый пепел.

– Кстати, – Данилов вновь обернулся и обратился ко мне, – ты летишь в столицу.

– С чего вдруг? – я удивился.

– Завтра соберется контактная группа представителей государств, будут обсуждать огненное кольцо, и хотят тебя послушать. Ты пока единственный, кто ездил в пепельный мир и вернулся оттуда, – ответил ученый.

– Я все равно большую часть времени пролежал без сознания, – отмахнулся я.

– Значит твой рассказ будет коротким, – улыбнулся Данилов. – После обеда тебя заберет вертолет.

– А потом я к вам вернусь? – спросил я.

Я опасался, что меня оставят в столице, где я еще более бесполезен, чем здесь.

– Как хочешь, – пожал плечами ученый. – В любом случае мы после обеда собираемся и вновь переезжаем на новое место.

– Понятно, – я отпил кофе.

Дождь закончился еще до обеда, но солнце не спешило подсушивать окружающую грязь. Пришлось намотать на ботинки пакеты, иначе мостки сильно ограничивали меня в перемещении. После обеда к нам прилетело сразу два вертолета. Один забрал несколько ученых на новое место лагеря, другой забрал меня, Марину и парочку климатологов в столицу. У Марины хватало образцов для исследования и теперь ей нужна была ее полноценная лаборатория. Климатологи летели делать доклад контактной группе, как и я.

Вертолет летел низко и можно было любоваться как уже практически весенняя природа медленно перетекает во все еще зимнюю. Чем дальше от огненной стены, тем холодней становилась. В столице сейчас мороз и нам заблаговременно выдали теплые куртки. Пейзаж под нами постоянно сменялся: поля, леса, реки, пустые деревни, небольшие городки из которых вывозили последних жителей, вереницы автомобилей на дорогах. Стада животных, гонимых природным предчувствием. Они еще не видят огонь, но уже знают, что нужно бежать.

– Они не убегут дальше моря, – послышался голос девушки.

Я отвернулся от иллюминатора. Марина подсела ко мне и тоже заглянуло в круглое окошко.

– У нас перед ними есть преимущество, – ответил я. – У нас есть корабли и самолеты.

– Вот только мы не убежим дальше планеты, – девушка измученно улыбнулась. – Если огонь сможет пересечь море, то проживем мы немного дольше этих животных.

– Вода не горит, – напомнил я.

– Разве? – она подперла подбородок рукой. – Ты же видел снимки с дрона. Огонь испарил все речки и озера на своем пути. Мы не уверены, что море окажется для него преградой.

– Вы уже несколько дней за ним наблюдаете, узнали что-то новое? – поинтересовался я.

Девушка пожалала плечами, качнула головой, а затем ответила:

– Мы до сих пор строим догадки. Кажется, это пожар, который вызван аномалией, – она сделала паузу, затем продолжила: – Пространственной аномалией. Реагент должен был разорвать пространство, и похоже ему это удалось. Вот только почему этот разрыв растет кольцом, и почему он горит... мы пока не смогли понять.

– А почему исчезла техника? – спросил я.

– Ты специально спрашиваешь то, что мы не знаем, – она засунула руки в карманы, стараясь их согреть. – У меня есть одна догадка, но это глупо звучит, и я пока не собираюсь ее рассказывать.

- Есть что-то глупее разорванного пространства? – я приподнял бровь.
- Есть, и много чего, – недовольно ответила Марина. – Например тот факт, что разорвано может быть не только пространство, но и время.
- И техника отправилась в другое время? – уточнил я.
- Возможно, – она вновь пожала плечами. – А может быть техника осталась в каком-то времени, а мы сдвинулись.
- Все интересней и интересней, – заключил я.
- Что ты намерен рассказать политиканам? – она сменила тему.
- А что я могу рассказать? – я задумался. – Теперь мы знаем, что я не единственный обитатель пепельного мира.
- Скорей всего он тоже отправился в другое время, – добавила девушка. – Ты единственный в нашем времени.
- Ты еще вернешься в полевой лагерь? – спросил я.
- Не знаю, – она качнула головой. – Теперь у меня есть работа в лаборатории и пока я ее не завершу в поле не вернусь. А ты?
- Я буду там, куда меня забросит судьба, – решил я. – Может быть вернусь в поля.
- Можешь ко мне приехать в исследовательский центр. Я сделаю тебе пропуск.
- Я улыбнулся, но у меня тут же возник интересный вопрос:
- Слушай, а касательно помощи, чем еще я могу помочь вашим исследованиям?
- Главное не лезь больше в пепельный мир. Как видишь, там можно насовсем потеряться, – ответила Марина.
- А еще что? – настаивал я.
- Получить степень по физики и приступить к исследованиям.
- Я серьезно.
- Да не знаю я. Может быть история реагента...
- В смысле? – я заинтересовался.
- Мы же не знаем откуда он взялся, – напомнила девушка. – Хорошо бы это узнать.
- И с чего мне начать?
- А вот этого я тебе не скажу, – она покачала головой. – Спросишь завтра у чиновников, с которыми будешь встречаться.

Я задумался. Вряд ли представители контактной группы знают о реагенте, но с кого-то же началась эта история. Я спросил:

- А кто вам дал реагент?

Девушка на мгновение задумалась, а потом ответила:

– Спрошу завтра в лаборатории, может быть кто-то знает. Вот тебе и повод приехать в гости.

- Тогда готовь пропуск, – подытожил я.

Вертолет прибыл в столичный аэропорт уже поздно вечером. Нас сразу рассадили по разным автомобилям и вывезли в разных направлениях. Марина с образцами отправилась в свой исследовательский центр, я с климатологами в гостиницу.

Собственно, центральный отель столицы был полностью арендован государством в пользу контактной группы. Здесь не было случайных постояльцев, зато обитали чиновники, военные и ученые разных стран. Здесь же проходили встречи контактной группы и различные доклады. До столицы огню было еще очень далеко, а потому жизнь в городе нарушали только излишки беженцев да избыток военных. Пробок хватало, но нас быстро провезли к гостинице побочными улочками.

Номер снимать не требовалось. Он уже был забронирован для меня, а потому я назвал свою фамилию, получил ключи и поднялся в номер. На этаже я встретил пару военных, о чем-то беседовавших и уставшую горничную. Сразу по прибытию я принял душ и сдал вещи в

стирку. В моем рюкзаке была сменная одежда, в которой я поужинал. Ужин пришлось заказывать в номер, и кроме этого ждать его почти полтора часа, но оба ресторана отеля были забиты под завязку, а кухни не справлялись с заказами. Сложно сказать, рад владелец отеля такой прибыли или нет, но платит правительство. Думаю, владелец рассчитывает на то, что ученые придумают как решить сложившуюся проблему и остановят огонь. Ученые всегда придумывают выход, что-то изобретают, находят решение... счастье в мечтаниях.

Пока я ждал ужин пришлось включить телевизор. Последние дни я был оторван от средств массовой информации и теперь меня ждали сплошные открытия. Конечно, огненная стена была центральным предметом всех новостей и специальных программ, но в то же время никто не собирался останавливать шоу и развлекательные передачи. Комики придумывали остроумные шутки о кольце огня и погорельцах, вероятно не догадываясь, что огонь доберется и до их имущества. Сериалы шли своим чередом, их продолжали снимать, чиновники спорили на политических шоу чья предвыборная программа лучше. Столица жила своей жизнью. В окне можно было наблюдать бесконечный поток спешащих людей, рестораны полные посетителей, в кинотеатрах раскуплены все билеты. Огонь где-то там. Огонь в телевизоре. Это просто еще одно ток-шоу, в котором огненное кольцо пожирает целую страну, а скоро доберется до ближайшей границы, но ведь всегда можно переключить на другой канал. А когда это шоу надоест, то его рейтинги упадут и проект закроют.

– Ученые работают над решением проблемы, – заявляет незнакомое лицо в телевизоре.

«Работать над решением» и «решить проблему» – это разные вещи, мысленно отвечаю я.

Самым трудным оказалось не сидеть без дела в полевом лагере, а перелететь на сотни километров от огня и выяснить, что далеко не весь мир мобилизовался против неизвестной угрозы.

Мне принесли ужин, я поел и лег на кровать. Телевизор тихо рассказывал то, что я знал и без них. В принципе, я знал больше любого из этих экспертов, и так же, как они, ничего не понимал в этом знании. Зазвонил телефон в номере, и я узнал, что мой доклад в десять утра, а еще у меня спросили мой размер одежды. Для доклада мне принесут новый костюм, дабы я выглядел подобающим образом.

В этом отеле я уже когда-то останавливался. Это было лет пять назад, может быть больше. Тогда я был приглашен на пресс-конференцию, которая проходила здесь же, в этом отеле. Сначала руководство издания хотело отправить меня в отель подешевле, но затем мой редактор расщедрился, и я получил здесь номер на одну ночь. Центральный отель столицы дороговат для провинциального журналиста. Зато теперь правительство не ограничивает себя в тратах буквально сжигая валютные запасы. Как я выяснил это не единственный отель, полностью арендованный властью. Есть еще два отеля, тоже в центре города, но именно здесь собираются представители контактной группы, а значит номер я получил именно здесь. Номер с балконом. Кофе тоже в номер. К сожалению, утром, ничего на завтрак мне не предложили, так как у отеля перебои с поставками продовольствия. Собственно, проблемы с продовольствием по всей стране. Это я узнал из выпуска новостей. Много пищевых производств уже уничтожены огнем, другие не справляются с обеспечением населения. На мясо пускают все, что не смогут эвакуировать. Даже зоопарки. Спасти пытаются только редкие виды. Хотя, учитывая прожорливость огня, скоро все виды станут редкими.

Я вышел на балкон и посмотрел вниз. Подомной главный вход в отель. Все утро к нему подъезжают кортежи с правительственными представителями. Ближайшие улицы перекрыты. Где-то вдали я слышу, как толпа скандирует лозунги. Слов не разобрать, но я понимаю, что вокруг оцепления возник протест. Против чего они протестуют? Может быть просто обвиняют власть имущих в том, что это они спровоцировали катастрофу?

Мне принесли чистые брюки, туфли и рубашку. Пиджака не нашлось. Выяснилось, что в столице все же не все идеально. Многие магазины уже закрылись, другие распродают остав-

шиеся товары и тоже закрываются. Поставки новых товаров сильно сократились по причине уничтожения производств. Город все еще живет, и весьма активен, но настроения пессимистичные.

Я оделся и спустился на этаж зала для переговоров. Здесь была охрана в лице двух военных с автоматами, да еще несколько чьих-то помощников в деловых костюмах. Они о чем-то живо беседовали, не обращая внимания на присутствующих. Впрочем, из их разговоров я ничего полезного не узнал, а спустя минуту одному из них позвонили, и они ушли. Я продолжал стоять перед массивной дверью из полированного алюминия пока в коридоре не показался еще один постоялец отеля. Мужчина немного старше меня, чуть ниже и одет в мятый костюм. Мужчина выглядел энергичным, хотя по всему видно, что времени на отдых у него не много. Он подошел ко мне, поравнялся со мной и изучающе посмотрел на меня. Несколько секунд мы стояли глядя друг на друга. Он словно о чем-то задумался, но кроме этого в его взгляде было любопытство. Он почему-то спросил:

– Мы ведь с вами раньше не встречались?

– Нет, – я качнул головой.

Я не был так уверен в этом ответе. Это мог быть чиновник, которого я раньше видел по телевизору, а может быть я уже брал у него интервью, но вспомнить его я не мог.

– Александр Решетник, верно? – спросил незнакомец.

– Да, – ответил я и счел нужным протянуть собеседнику руку.

– Меня зовут Клим Адамов, – он пожал мне руку, бросил на нее беглый взгляд, затем снова посмотрел на меня. – Давно хотел с вами увидеться и поговорить о пепельном мире, вы ведь у нас первопроходец.

– И не я один, – ответил я.

– Да, мы знаем, вот только со вторым человеком нам пока не удалось поговорить, – он указал на дверь. – Прошу, там уже собралась группа.

Один из солдат открыл нам дверь, и мы вошли в просторный зал с длинным столом посередине. За столом сидело полтора десятка человек, половину из которых я знал. Вдоль стен тоже стояли стулья на которых сидели люди. Это были разного рода докладчики, помощники и эксперты, которые время от времени должны были вставить свои пять копеек. Я сел среди них, а Адамов занял место за столом. Кроме него за столом сидел наш министр иностранных дел, еще несколько наших министров, послы соседних стран, представители объединенных наций.

Я сидел и слушал их речи, и были они, на мой вкус, весьма затянуты. У меня складывалось впечатление полной растерянности. Только Клим, да еще несколько человек в этом зале пытались оживленно дискутировать и что-то предлагать. Должность Адамова оставалась для меня загадкой, но было видно, что он хорошо посвящен в дело и намного более информирован, чем остальные.

Наконец пришел мой черед. Меня вызвали и поставили у торца стола таким образом, чтобы все представители контактной группы могли меня видеть. Я коротко изложил свои приключения в пепельном мире, а также впечатления о нем. В принципе мне попросту не было чего излагать длинно, а потому я занял не более пяти минут их бесценного времени. После моего рассказа воцарилась тишина. Наш министр иностранных дел медленно протирал очки, посол одной из стран, куда сейчас направлялось большинство беженцев, листал лежащую перед ним папку.

– Кажется там был замечен еще один человек, – вспомнил министр внутренних дел.

– Мы видели только тепловой силуэт, – ответил я. – Он зачем-то похитил одну из деталей дрона.

– Быть может он мастерит что-то? – спросил министр иностранных дел.

– Очевидно, что мастерит, но не очевидно почему он от нас убежал, – ответил я.

Посол закончил листать папку и обратился ко мне:

– Как вы считаете, реально переселить людей в пепельный мир?

Этот вопрос был для меня неожиданным. Я не специалист ни в чем, что нужно знать для полного ответа на данный вопрос. Но я решил ответить:

– Под слоем пепла остается земля, и возможно восстановить плодородный слой. Можно найти воды на глубине и даже восстановить многие из сожженных домов. Вот только время и ресурсы на это уйдут... огромные.

– У нас есть ресурсы, – ответил посол.

– Вот только времени нет, – подметил другой министр.

– Приступить нужно немедленно, – добавил Адамов. – Возможно нам удастся замедлить движения огня над океанами и тогда мы успеем подготовиться к реколонизации пепельного мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.